

Серия ОХОТНИК
РЫБОЛОВ

М.А.Мензбир

ОХОТА на вальдшнепа

Справочник

М.А.Мензбир

*Охота
на вальдшнепа*

г.Реутов
Издательство охотничьей литературы Эра
2004 г.

г.Москва
Издательский дом Рученькиных
2004 г.

Охота на вальдшнепа *Справочник*

М.А.Мензбир.

Охота на вальдшнепа.

— М.: ООО «ПТП Эра» «ИД Рученькиных». 2004. — 64 с.

Сведения, представленные классиком отечественной орнитологии, не утратили своей актуальности в наши дни, ими могут успешно пользоваться и опытные, и начинающие охотники.

Книга печатается с небольшими сокращениями по изданию: «Охотничьи и промысловые птицы Европейской России и Кавказа», М., 1900 г.

ISBN 5-87624-039-7

© ООО «ПТП Эра», 2004 г.
© Серия «Охотник» — «Издательский Дом Рученькиных», 2004 г.

Мензбир Михаил Александрович

(1855-1935)

Зоолог, орнитолог, зоогеограф, член-корреспондент АН СССР.

Родился в Туле. Там же окончил гимназию (теперь это один из корпусов педагогического института). По окончании Московского университета оставлен в нем для подготовки к профессорскому званию. Защитил магистерскую диссертацию по теме «Орнитологическая география Европейской России», потом провел два года в загранкомандировке. С 1917 по 1919 гг. — ректор Московского университета, с 1929 г. действительный член АН СССР, с 1930 г. — руководитель Лаборатории зоогеографии АН СССР. Основатель зоогеографической школы Московского университета, автор классических работ по географическому распределению птиц, зоогеографическому анализу животного мира. Его классический труд «Птицы России» в 2-х томах выдержал несколько изданий. С первых лет самостоятельной научной деятельности много внимания уделял изучению охотничье-промысловых птиц. Издал двухтомную монографию «Охотничьи и промысловые птицы Европейской России и Кавказа» (1900-1902 гг.). Был одним из образованнейших и передовых людей своего времени. Почетный член МОИП, многие годы был его президентом. Также был почетным членом Французского зоологического общества, Американского орнитологического общества, членом-корреспондентом Зоологического общества в Лондоне, почетным членом Орнитологического общества Германии. Его ученики и последователи — С.И.Огнев, Н.А.Бобринский, В.Г.Гелтнер, Г.П.Дементьев — внесли огромный вклад в развитие отечественной науки.

Вальдшнеп (*Scolopax rusticola* L.)

Принадлежа к числу чисто охотничьих птиц и не играя никакой роли как предмет промысла, вальдшнеп приобрел себе такую громкую известность в кругу охотников и не охотников, что только немногие птицы могут поспорить с ним в этом отношении. Причина этого с одной стороны лежит в том, что самая охота на него, являясь действительно охотою, а не добыванием, не промыслом, представляет лучшую мерку для испытания всякого, кто имеет притязание считаться стрелком, с другой — вальдшнеп имеет чрезвычайно широкое распространение и в то или другое время года встречается в большей части страны.

По существу, вальдшнеп — один из лучших представителей фауны леса, и если в известное время года он и не придерживается лесной чащи и тем самым как бы изменяет своим нравам, то это объясняется, как увидим ниже, влиянием внешних условий. Во время же брачной жизни, вывода детей и линьки вальдшнеп исключительно держится если не в глухом, то, во всяком случае, в большом, старом лесу. Ему нужен в это время чистый или смешанный бор, изрезанный широкими просеками, поросшими побегами ольхи, с болотными низинами, на которых разросся лозник, ольха, береза и осина, и только спустя долгое время он покидает это убежище и переселяется в меньшую чашу.

Северная граница распространения вальдшнепа идет приблизительно по 65° с.ш. в Финляндии и доходит, не понижаясь, до Архангельска, где вальдшнеп обыкновенен. Далее на восток граница распространения этой птицы направляется к Уралу, постепенно спускаясь, вероятно, к 62° с.ш., т. е. под 60° на Урале вальдшнеп еще многочислен. К югу от этой границы вальдшнеп гнездится во всей северной и средней России и так далеко к югу, как это ему позволяет распространение лесов. Некоторые подробности относительно распространения вальдшнепа в южной половине России здесь будут не лишними.

В Уфимской губ. вальдшнеп обыкновенен на гнездовье во всех лесах, как в равнинах, так и на горах. Но в Оренбургской он уже не спускается на гнездовья до р. Урала и ближайшие к Оренбургу гнездовые места этой птицы находятся в лесах по Ику и верхней Сакмаре. В лесах Симбирской губ. вальдшнеп

еще нередок, на юг же отсюда, по долине Волги не переходит за широту Вольска по лесам перевалов Волги и Терешки, Терешки и Медведицы. Гнездится ли вальдшнеп в западной части Саратовской и южной Тамбовской губ., неизвестно, но в Воронежской несомненно гнездится, по крайней мере, в северных уездах. В западной части Харьковской губ., а также Черниговской, Киевской, Волынской губерниях вальдшнеп гнездится, и даже не особенно редок. К югу от этой широко намеченной границы, в степной и полупустынной полосе, вальдшнеп является исключительно пролетной птицей, опять появляясь на гнездовье в Крыму и на Кавказе.

Относительно гнездования вальдшнепа в Крыму почти нет сомнения. Однако, вальдшнеп гораздо многочисленнее в Крыму на пролете и зимою (на южном берегу).

Гнездование вальдшнепа на Кавказе в настоящее время также бесспорно. Что касается северного Кавказа, то за последнее время уже многие исследователи сообщили весьма определенные сведения о гнездовании здесь вальдшнепа не только в горах на высоте от 3.000' до 6.000' н. у. м., но даже в низменности, например, в казенном лесу в трех верстах от Ставрополя. Зимою на Кавказе вальдшнеп встречается во множестве, по преимуществу, в низменностях.

Пролет и прилет. Весенние высыпки. Тяга.

Вальдшнеп — чисто лесная птица, не отличающаяся прихотливостью в выборе местности, но, во всяком случае, нуждающаяся в тенистом, старом лесе. Лес составляет ее коренное местопребывание; здесь она размножается, линяет и живет до того времени, когда понижение температуры вместе с недостатком пищи заставит ее переселиться на юг, и только во время таких переселений, т.е. весеннего и осеннего пролета, вальдшнеп занимает места, несколько отличающиеся по своему характеру от его обыкновенного обиталища. Дальше мы подробнее разберем, какие это места и чем обуславливается пребывание в них пролетных вальдшнепов, теперь же заметим, что в них останавливаются именно пролетные, а не местные птицы. Последние, прибывши на родину, прямо занимают места своего гнездовья, чуть не с первой минуты своего возвращения начиная заботиться о скором времени гнездовития и вывода детей; пролетные напротив: им нужно такое место, где были бы наиболее подходящие условия температуры и пищи, где бы они могли отдохнуть с дороги и скорее лететь далее на свою родину. Позднее, когда весна окончательно установится, пролетные вальдшнепы, также как и местные, забираются в тенистые, старые леса, нормальное их местопребывание, но виною этому пробудившееся половое стремление, не удовлетворить которому не в воле птицы. Этим и объясняется, что пролетные вальдшнепы, при благоприятном состоянии температуры и зависящих от нее условий **тянут**, другими словами — токуют, всюду, где позволяет местность. Этим же объясняется и то, что продолжительность тяги различна в разных местностях, но зависит это не оттого, что тяга прекращается в одном месте раньше, в другом позднее, а только от времени прибытия птицы. Последнее в северных и южных губерниях весьма различно, и приблизительно время появления вальдшнепов на юге и таковое в среднерусских губерниях отстоят друг от друга, по крайней мере, недели на две. Так, под Вятку вальдшнепы прилетают большей частью в первой половине апреля; под Москвою появляются в начале этого месяца¹; в

¹ Самый ранний прилет 23 марта, самый поздний — 10 апреля.

Харьковской губ. в небольшом количестве пролетают около середины марта, валовой пролет бывает около начала или середины последней трети марта и реже в первых числах апреля. Однако, не должно думать, что те вальдшнепы, которые появляются на прилете большими массами, нередко в несколько десятков штук, суть первые прилетевшие к нам особи. Передовые, как бы авангард, появляются гораздо раньше, но в таком незначительном количестве, что только страстный охотник сможет заметить их прилет, таскаясь по таящему снегу, где поминутно нога опускается в рыхлую массу выше колена. Обыкновенно это бывает в то время, когда весна окончательно вступает в свои права, засинеет небо, польются на застывшую землю лучи яркого весеннего солнца и по откосам и пригоркам покажутся черные проталины. В средних губерниях это случается около 25-го марта, иногда раньше, сейчас же после 20-го, иногда, наоборот, прилет замедляется и вальдшнепы прилетают только около 1-го апреля, на юге — около середины первой трети марта, на севере — в первой половине апреля.

Но вообще это время появления первых вальдшнепов не может быть определено с большою точностью. С одной стороны, как сказано, первые прилетевшие птицы очень немногочисленны и их трудно уследить, с другой — колебания температуры весною настолько резки, что время прилета первых или передовых вальдшнепов в одной и той же местности подвержено большим изменениям. Но вообще можно сказать, что первые особи их начинают появляться еще в то время, когда земля только что начала оголяться и сбрасывать тяжелую пелену занаставшего снега. И то это бывает только на склонах оврагов, обращенных к югу, по пригоркам, откосам и тому подобным местам; в лесу же в это время снега, как говорится, непочатый край. Поля уже давно покрылись черными пятнами, высоко в воздухе рассыпался над ними трелями жаворонок, а в лесу, особенно смешанном или хвойном, лежит еще сплошная масса отвердевшего снега и только около деревьев снег начал осаживаться сильнее, образуя кругом пней ямы². Но, несмотря на подобное состояние местности, первые вальдшнепы прилетают именно в это время. Прибывают они к

² Однако, надо заметить, что в лесах с большим подседом, где теплота тоже развивается очень рано, первые вальдшнепы встречаются нередко.

нам, как и обыкновенно, ночью, с той только разницею, что первые их особи появляются поодиночке, вразбивку, и редко парами, как то бывает позднее.

Но этим и ограничивается разница в прилете передовых и остальных вальдшнепов. Что касается их местопребывания, само собою разумеется, оно тождественно как у тех, так и у других; только у прилетевших позднее таких мест больше, так как прилет передовых удален от так называемого валового на 5, а иногда и на 8 дней, а за неделю весной «много воды утечет».

Как бы то ни было, любимое местопребывание передовых всегда у окраин полей, на проталинах, которые только что зачернели на белой пелене снега. Там, где есть ольховые заросли, первое одиночное появление вальдшнепов бывает по так называемым коблам³. Но в большом лесу их встретишь редко. Древесные сучья, переплетаясь между собою, заслоняют здесь лучи солнца, снег тает гораздо медленнее и, помимо недостатка корма, вальдшнеп не может держаться в таком лесу уже оттого, что ему негде спрятаться. Обыкновенно, попав сюда, он выбирает себе оттаявшее местечко на опушке, обращенной к солнцу, у пня или кустарника, и сидит здесь, плотно прилегши к земле, мешаясь своими пестринами с прошлогоднею листвою. Но взять ему тут нечего, кругом и холодно, и голодно, а потому в таких местах птица только днюет. Ночью же или вернее вечером, вместе с вечернею зарею, вальдшнеп покидает свое убежище и переселяется в другое место. Это бывает обыкновенно незамерзающий родник или просто размокшее местечко на поле — мочежинка, где от тающего снега образовался ручей, куда и прилетает кормиться почти вся пролетная и прилетная болотная птица. Здесь корма всегда вдоволь, к тому же все прилетные птицы, а в том числе и вальдшнеп, бывают довольно сыты, так что им нужно немного. Отчего это происходит — сказать трудно. Некоторые придерживаются того мнения, что болотная птица, доставая себе в пищу корешки трав и злаков, которые в это время очень сочны, — сыта, т.е. жирна от них, но, как кажется, это не совсем верно, и обуславливается,

³ Вследствие рыхлой болотной почвы, на которой растет ольха, это дерево вырывается полою водою с корнями, с землею в корнях, и образует небольшой остров — кобел.

наоборот, переменою пищи во время течений⁴. Известно, что в эти моменты своей жизни все зерноядные птицы становятся насекомоядными, т.е. происходит смена растительной пищи на животную, как более питательную. Благодаря этому обстоятельству, все птицы на прилете гораздо сытее, чем в последующие сроки, когда одно за другим присоединяются два столь расслабляющие организм явления в их жизни, как половое стремление и следующий затем процесс линьки. Но если уж так бывает с зерноядными, то нет ничего удивительного, что сыты прилетные вальдшнепы, птицы почти исключительно насекомоядные, успевшие разжиреть за зиму на месте зимовья. Во время же пролета на родину они не успевают исхудать, потому что дорога для них далеко не утомительна, как благодаря частым и продолжительным остановкам, так и обильному корму на пути, хотя раннюю весною это корм растительный, что вызывается полным отсутствием насекомых.

Больше о жизни первых пролетных вальдшнепов говорить нечего: ночью кормятся на поле, днем прячутся на проталинах в кустах или лесе, вот и все. Прячутся они мастерски, никогда не опускаясь на голый снег, а выбирая такие места, где из-под снега торчат пеньки мелкого срубленного леса. Но такое однообразие в их жизни царствует не долго. В это время на юге, у тех особей, которые летят парами, быстро следующими друг за другом, мало-помалу пробуждается половое стремление, внешним образом выражающееся в так называемой тяге: говорят, что вальдшнепы **тянут**. И в то время, как передовые быстро летят дальше на север, следующие за ними подвигаются вперед медленнее, долее оставаясь на местах пролета.

С каждым днем число таких первых прилетных вальдшнепов, предвестников валового пролета, становится больше. Вначале поднимешь одного, потом другого, на другой день зачастую случается, что и одного не встретишь, но вот проходит день, два и уже в тех же кустах, где вчера ничего не было, вспорхнули иной раз два, иной и три, хотя за каждым приходится исходить не одну версту по таящему снегу. После этого уже с каждым

⁴ Конечно, это верно по отношению к птицам, находящим на своем пути насекомых, что стоит в прямой зависимости от времени прилета. Но в тех местах, откуда начинается течение, сказанное о смене пищи не имеет исключений.

днем надо ожидать, что начнется настоящий, валовой прилет; по кустам, опушкам, вырубкам, оврагам начнутся давно ожидаемые охотниками **высыпки**⁵.

Дальше идет в то же время весна в своем ходе. Выше забралось солнце по синему небосклону и быстро побежали ручьи с почерневших полей. Снег остался только местами, как белые пятна, а кругом стелется оголившееся пространство, раскисшее в полужидкую грязь, темные леса, давно поскидавшие зимний покров, и овраги с залежами грязного снега на северной стороне. Весна стала... В это время и начинается дружный, валовой прилет вальдшнепов. Они прибывают с каждой ночью, летят парами, но последние следуют буквально одна за другой; направление их пролета, равно как и места остановок, одни и те же, и потому там, где они останавливаются на день, кажется, будто нападаешь на стоянку стада. В южных губерниях высыпки обыкновенно бывают в половине марта, в средних — в первых числах апреля; на севере вальдшнепы прилетают прямо в места их гнездовья, и высыпок встретить там невозможно⁶. В тех же губерниях, где они бывают, их наблюдают обыкновенно по лесным склонам, обращенным к югу, по опушкам, порубам, оврагам, особенно где есть можжевельник, нередко и просто в садах. Помимо можжевельника, вальдшнеп особенно охотно выбирает для высыпок дубовый кустарник близ озимого поля, чистый или перемешанный с березняком, где нет дуба, высыпает и в чистом березняке. В садах высыпки бывают чаще в том случае, если они перекопаны, особенно в садах ягодных, засаженных малинником и барбарисом, иногда вишневым. Там, где этого нет, как например, в местностях, почти сплошь занятых большим лесом, что мы встречаем в губ. Новгородской, Псковской и др., вальдшнепы высыпают вблизи таких лесов, где по опушкам находятся ручьи, с берегами,

⁵ Высыпкою называется появление вальдшнепов в большом числе, часто в несколько десятков птиц, в каком-нибудь кустарнике или каких других местах, что бывает исключительно на весеннем и осеннем пролете.

⁶ Такое явление имеет своей причиной прямо условия местности, вполне лесной, с малым развитием кустарников. То же самое обстоятельство обуславливает в Западном крае и на Севере однообразие, господствующее в охоте на вальдшнепов: там только одно время для охоты — весна, и только одна охота — на тяге.

поросшими различным кустарником, преимущественно орешником. Этими местами и ограничиваются в средней полосе участки, где бывают высыпки. Таким образом, места эти далеко не разнообразны и, сводя их к типу, т.е. к такому месту, где бывает большинство высыпок, это — лиственный кустарник, обращенный лицевой стороной к югу, и ничего больше. Подвигаясь к северу, уклонение в выборе места выражается в том, что по мере вытеснения мелкого леса крупным, большим, высыпки бывают уже не по кустарникам, а по зарослям, по опушкам лесов, носят таким образом характер более случайный, приближаясь уже к тому случаю, когда, как на севере, вальдшнепы прямо занимают места гнездовья, тотчас же после прилета разбиваясь по лесному участку. На юге, сообразно с изменением характера местности, и изменение места высыпок идет иным путем. Открытые степные пространства, какими представляются наши южные губернии, не позволяя высыпкам бывать по кустарникам, тем не менее представляют много таких мест, где могут быть вальдшнепы. Так, в Астраханской губ. они останавливаются в виноградных садах, лесных и ежевичных зарослях волжских островов, причем, как говорит Н.Явленский, «вальдшнеп, кочуя по городским садам, бывает столь бесстрашен, что подходит иногда к самому жилью и кормится с домашнею птицей»(!). В других местах, как в Бессарабии, эти птицы высыпают по камышам и гораздо реже по кустарникам. Заметим здесь же, что высыпки редко бывают год из году на одних и тех же местах, но причиной этому служит простой случай и ничего больше.

Уже из описания местонахождения высыпок само собою следует, что высыпки — не что иное как стоянка вальдшнепов, всегда пролетных. Местные мало-помалу прямо занимают свои уголья, разбиваясь сначала по лесным опушкам; пролетные же только останавливаются на несколько дней и потом, отдохнувши, пускаются в дальнейший путь. Такие отдыхи для них необходимы, как и для всякой перелетной птицы, и отличие от большинства вальдшнеп представляет только в том, что его стоянки продолжительнее, чем у других. Кроме того, как птица ночная, он летит от вечерней зари до утренней, останавливаясь днем для отдыха, зорями на кормежку, и, следовательно, ночные перелеты его не представляют никакого уклонения от его обычного образа жизни. Не боязнь хищников, как думают некоторые зоологи и охотники, заставляет вальдшнепа совершать его перелеты

ночью, — это имеет место по отношению к птицам, ведущим дневной образ жизни, вальдшнеп же, как птица ночная, не требует для себя такого объяснения, и про него достаточно сказать, что даже в такое время, как весенний и осенний пролет, он не изменяет себе и остается птицею вполне ночной.

Сказанного о высыпках совершенно достаточно, чтобы видеть, что в выборе для них места птица руководится главным образом условиями добывания пищи. В кустарниках и мелколесье земля отходит скорее, чем в большом лесу, оставшихся от снега пространств здесь больше, — все это должно повлиять на выбор места. Может быть к этому присоединяется и другое, — конечно, второстепенное, — условие, что вальдшнепу легче спастись от преследования в кустарнике, чем в старом лесу, где деревья стоят друг от друга дальше и снизу на значительном расстоянии лишены сучьев.

Что касается продолжительности каждой высыпки, то она подвержена значительным изменениям и стоит в прямой зависимости от состояния погоды. Самый краткий срок для нее — день; в противном случае, т.е. если дни стоят теплые и ясные, и если притом весна стала дружно, не запоздавши, пролетные вальдшнепы остаются на стоянке долее, так что иногда высыпка держится до 3-х и до 4-х дней. Вместе с тем они уже не придерживаются исключительно одних кустов, где стали на отдых, а начинают мало-помалу выбираться в крепь, т.е. в большие леса, такие же, как места их гнездовья дальше к северу, где и начинают тянуть зорями вместе с местными. Но если в начале весны были холода, или вообще погода надолго задержала прилет всех птиц, так что теплая дружная весна стала поздно, высыпки никогда не бывают продолжительны. В таких случаях вальдшнеп летит на север очень быстро, останавливается не более как на день и в следующую же ночь отправляется дальше.

В неделю или две высыпки кончаются, другими словами — кончился пролет, птицы позаняли свои угодья, остались, следовательно, только местные. Впрочем, около двух недель пролет тянется очень редко: обыкновенно высыпки не сходят дней десять, а потом, если и бывают, то это уже вальдшнепы запоздалые, задержанные чем-нибудь дольше обыкновенного в своем пролете. Но очевидно, что средняя продолжительность пролета не дает о нем точного, ясного представления. И вообще средние числа далеко не дают определенного понятия о действитель-

ном ходе того или другого явления, а в этом случае это справедливее, чем когда-либо. В самом деле, само собою ясно, что продолжительность пролета различна для мест, лежащих под разной широтой, так как это зависит прямо от числа пролетных особей. Таким образом, только средние числа для нескольких полос, подвигаясь постепенно от юга к северу, или, еще лучше, средние, вместе с указанием крайних сроков начала и конца пролета, могли бы дать нам действительно ясное представление о времени, продолжительности, а также и обуславливающих их обстоятельствах пролета; но таких сведений в настоящее время не имеется, и мы по необходимости должны довольствоваться средним для всей Европейской России.

Этим и кончается первый период весенней жизни вальдшнепа: прилет на родину и занятие мест гнездовья. В общих чертах мы уже знаем, какие это места, но теперь не лишним будет разобрать несколько подробнее, что должна представлять собою местность, где происходит гнездование этой птицы.

Сосновый или еловый бор с близлежащими кустарниками по берегам рек и ручьев и болотинами вблизи, ольховые заросли близ лесов, разросшиеся на болотистой почве, чернолесье или смешанный бор с мокрыми низами, поросшими ольхою, березою, лозняком и осиною, — одним словом, леса с **подседом**, изрезанные просеками и дорогами, не однообразные, а напротив — из различных пород, но с одним характером — **темные и сырые** — вот любимое местопребывание вальдшнепа. Сюда же принадлежат и потные места с ольхою и орешником, но уже здесь вальдшнеп держится далеко не так постоянно, как в выше указанных, и скорее можно сказать, что сюда он летает кормиться, а не живет здесь постоянно. Величина леса и связанная с нею близость человека имеет для него небольшое значение. Это не глухарь, уничтожающийся год от года вследствие его прихотливости в выборе места, и если уже проводить параллель, то ближе всего она между вальдшнепом и рябчиком. И тот и другой — птицы чисто лесные, ни один из них не отличается приверженностью к черному или красному лесу, следовательно оба они имеют гораздо более шансов на дальнейшее существование, чем глухарь и жители степи — дрофа и стрепет. Но, спрашивается, чем вызывается помянутый выбор места, откуда идет неприхотливость птицы? Чтоб ответить на заданные вопросы, нам нужно познакомиться с ее родом пищи и способами ее добывания.

По времени года пищевой материал вальдшнепа не подвержен большим изменениям. Обыкновенно это птица насекомоядная, питающаяся как взрослыми насекомыми, так и их личинками, последними даже чаще, не пренебрегающая и небольшими улитками, но только в редких случаях меняющая животную пищу на растительную. Эта смена происходит обыкновенно на раннем весеннем и позднем осеннем пролете; иногда вальдшнеп питается корешками злаков и в другое время, в начале осени, когда поднимутся молодые, но этим и ограничиваются сроки, в которые он является зерноядной птицей. И то это выражение не совсем к нему идет, так как он гораздо чаще питается корнями, чем плодами растений. Впрочем, добывание растительной пищи раннею весной обуславливается не предпочтением ее другой, а просто недостатком, а вначале и полным отсутствием последней. Как бы то ни было, в первое время своего появления вальдшнеп питается корешками растений, старыми можжевельными ягодами и другой растительной пищей; позднее не отказывается от голубики, и, как говорят, осенью вытаскивает даже из силков рябину. Когда молодые вальдшнепы подрастут и свалят в опушки, заросли и т.п. места, они нередко питаются корешками ржаных всходов или каких-либо лесных трав, как сейчас было сказано, но это далеко не исключительная и не любимая их пища, как думал С.Т.Аксаков.

Останавливаясь теперь на местных вальдшнепах, мы должны сказать, что днем, вскоре после прилета, они всегда держатся в чаще смешанного или черного леса и бора, какие описаны выше, к вечеру же начинают мало-помалу сдвигаться в опушки, ольховые заросли, а иногда, где таких мест нет, перелетают кормиться на поле или прилегающее к лесу болото. Особенно любят они леса с полянами, на которых пасется скот, или лесные дороги, и по мере того, как солнце спускается ниже и становится темнее, вальдшнепы оставляют свое дневное убежище и перелетают на такие поляны⁷. Но перелеты эти совер-

⁷ Это относится к более позднему времени, когда в средних губерниях лесные поляны и лес сдаются на лето гуртовщикам, которые пасут здесь скот не ранее двадцатых чисел мая. Первое же время вальдшнепы мало посещают эти поляны, а именно, как сойдут снега и земля не успеет затвердеть. Если же эти поляны болотистые, положение дел конечно изменяется. Последнее относится и к тем случаям, когда местность представляет еловые леса вперемежку с болотами.

шаются молча, птицы садятся с налета и заметить их трудно. Об их присутствии в том или другом месте можно судить только на другой день — по тем ямам, которые они понаделали своими носами в земле или помете⁸, или нечаянно спугнув птицу вечером, но мало найдется охотников таскаться в такую пору по лесу. Позднее, когда снега окончательно сойдут и установится ровная, теплая погода, и вальдшнепами совершенно овладеет половое стремление, они несколько изменяют своему обычному образу жизни и кормятся уже не ночами, а днем. То же бывает и на пролете, хотя далеко не всегда, потому что чаще случается, что вальдшнепы летят от зари до зари, так как зорями еще светло и в это-то время они и хватают наскоро пищу. Но, повторяем, на пролете они нередко кормятся днем, и как тогда, так и в настоящую весну самый способ добывания ими пищи несколько изменяется. Там, где земля рыхла или где ходил скот и после него остался помет, вальдшнеп просто погружает свой клюв в то или другое и уже посредством осязания узнает, есть у него что-либо под клювом или нет. Если есть, птица начинает двигать головою таким образом, чтобы около конца клюва образовалось некоторое пространство, благодаря чему она может схватить добычу, и потом быстро вытаскивает клюв назад, всегда в два приема, и с такою силой, что не в состоянии удержаться, и опускается на гузку⁹. Земляные черви, обыкновенно доставаемые таким образом, никогда не поедаются сразу, а разрываются вальдшнепом на несколько частей. Хотя весьма распространено мнение, что, в случае значительной твердости земли, вальдшнеп не в состоянии прямо воткнуть в нее клюв, и потому, уставив его немного в почву, начинает ходить кругом, сверля как буравом, и подтверждается г. Ушковым, тем не менее надо допустить, что в большинстве подобных случаев вальдшнеп добывает себе корм так же, как весною или обыкновенно днем, когда, как в последнем случае, ему приходится не покидать своего убежища, а твердая лесная почва не позволяет погружать в нее клюв. В таком слу-

⁸ Впрочем, так бывает только с пометом не очень старым; тот же, который успел сверху крепко загустеть, остается неприкосновенным.

⁹ Во время остановки при вытаскивании клюва птица, вероятно, ловчее перехватывает добычу. Заметим здесь же, что эти наблюдения были сделаны над вальдшнепами в неволе.

чае вальдшнеп просто поднимает носом большую плитку прошлогодней листвы, переворачивает ее нижней стороной вверх и собирает всех личинок, насекомых и т.п., которые в ней прятались. При этом характерной особенностью для вальдшнепа и отличием от прочих насекомоядных птиц, как дроздов и других, добывающих пищу тем же путем, служит то, что он никогда не разбивает, никогда не раскидывает отвороченной плитки, все же остальные всегда разбивают ее на мелкие части. Там, где в лесах есть роднички или мочежинки, вальдшнеп охотно перебирается на кормежку именно в такие места. В погоду сырую, после или во время дождя, когда дождевые черви во множестве показываются на полях, пастбищах, лесных дорогах и по опушкам, вальдшнепу доставать их легко; в другое время он преимущественно разыскивает сырые места, так как в них черви всегда держатся близ поверхности, и при этом засовывает свой клюв в землю часто по самые ноздри.

Познакомившись, таким образом, с пищею и способами добывания ее вальдшнепом, легко видеть, что она несколько не заставляет птицу придерживаться леса исключительно какого-либо одного характера, т.е. хвойного или лиственного, и позволяет, напротив, селиться всюду. Отсюда само собою следует, что ошибаются те лица, которые говорят, что вальдшнеп избегает чистого соснового бора, потому будто, что песчаная почва, на которой растет последний, не может дать вальдшнепу никакой пищи. Она найдется всюду, потому что не одними червями и не одними насекомыми питается вальдшнеп; для него достаточно, если то и другое попадает вперемежку с растительной пищей, что всегда возможно там, где есть вода; но где ее нет, нет и вальдшнепа. Этот смешанный характер пищи объясняет также возможность существования вальдшнепа далеко на севере, а потому не исключительно «тенистые, сырые места старого чернолесья, смешанного соснового и елового бора», как думает М.Н.Богданов, составляют область гнездовья описываемой птицы, но также и чистое красное лесье, как нами было добавлено еще раньше.

Переходим теперь к описанию половой жизни вальдшнепа, к так называемой **тяге** или **цугу**.

Вскоре после начала высыпок, иногда уже одновременно с ним, что бывает при позднем пролете, вечером начинается тяга вальдшнепов. Следовательно, точно так же, как и начало высы-

пок, начало тяги с точностью определить невозможно; замечено только, что при пролете раннем, если погода неблагоприятная, пасмурная и ветреная, тяги не бывает от первых высыпок дней 5 или 8, при обыкновенном пролете, — дня 2 или 3. В южных губерниях, таким образом, тяга начинается около 20-го марта, в средних около 5-го апреля, севернее — еще позднее, иногда только в конце месяца; но повторяем, состояние погоды вполне обуславливает собою время тяги и начало ее в различные годы отстоит друг от друга иногда весьма надолго.

В чем состоит тяга, известно всем: вечером, вскоре после захода солнца, вальдшнепы начинают летать, **тянут** над лесом, издавая особые крики, причем обыкновенно тянут над теми частями леса, где деревья ниже или где их совсем нет (последнее чаще), т.е. над лесными просеками, дорогами, полянами, оврагами и т.д. Но определить точно место тяги нет никакой возможности. Это то же, что и определение места тока тетеревей: «большую роль играет здесь совершенно бессознательное сопоставление и однородность мельчайших признаков уже известных местностей. Вы видели подобное место, то же самое расположение деревьев, ту же траву и вам невольно приходит в голову, что аналогия местности вызывает аналогию и во всем другом, касающемся животной жизни в этой местности»¹⁰. Однако нельзя не сознаться, что определить место тяги легче, чем таковое тетеревиного тока. Это зависит от большего разнообразия мест тяги, от меньшей прихотливости птицы, но главным образом от того, что тяга, будучи вполне аналогичною току обыкновенного тетерева косача, разнится от него тем, что в то время как тетерева токуют на одном месте, вальдшнепы тянут, конечно, над известным участком, но последний далеко превосходит величиною площадь тетеревиного тока. С этой стороны тяга еще ближе стоит к току глухаря, у которого, как известно, площадь тока занимает громадное пространство. Но помимо того, что вальдшнепы тянут, а тетерев токует на одном месте, разницы между тягой и током нет никакой. Подобно току, тяга или вернее место тяги есть сборный пункт для состязаний самцов, на голос которых прилетают самки. То же самое явление замечается и у других бекасиных, к которым принадлежит вальдшнеп, например, у дупеля, и сто-

¹⁰ Л.П.Сабанеев. «Глухой тетерев», стр. 19.

ит в прямой зависимости от полигамии, свойственной этим птицам.

Лесная поляна, поросшая кустиками или с разбросанными по ней отдельными группами деревьев, просека с возвышающимися по ее сторонам большими деревьями, лесная дорога, болотина, наконец лесная опушка, не прямая, но волнистая, с далеко выбегающими косяками леса — все это такие места, где обыкновенно бывает тяга. Возраст деревьев, их порода — большого значения не имеют. Во всех тех местах, где вальдшнеп гнездится, он одинаково тянет как в большом лесу, так и в мелколесье, а про пролетных нечего и говорить: они тянут или вместе с местными, или, где таких нет, всюду, где найдут лес, лишь бы он не был настолько мал, чтобы не приближался к кустам. В сплошных лесах вальдшнепы тянут часто опушками, описывая круг, или же по всем направлениям, зря, куда пришлось. Там, где леса сплошные, с редко встречающимися полянами и просеками, но расположенные так, что один лес недалеко от другого, вальдшнепы тянут, направляя свой полет из одного леса в другой и поворачивая над последним. Но лучше, охотнее всего тянут в таких местностях вдоль небольших овражков, где вершины деревьев узкою полосой протянулись ниже остальных. Некоторые утверждают, что в таких лесистых местах вальдшнепы тянут даже над садами, но по всей вероятности, если наблюдение верно, это относится только к пролетным¹¹. Из сказанного о месте тяги можно сделать, как кажется, такой общий вывод, что лучшее место для нее — лес с вершинами не в одной плоскости, а понижающимися или повышающимися, одним словом, с вершинами, расположенными волнисто, с разбросанными там и сям чистыми или поросшими кустиками полянками. Таким образом, выбор места для тяги не представляет собою ничего исключительного, и если глухарь год из году токует на одной и той же сосне, как наиболее удобной по расположению и направлению своих сучьев, — тяга вальдшнепов если и бывает каждый год в одном и том же лесе, то это зависит только от того, что они тянут

¹¹ По-видимому, вальдшнеп избегает только очень больших, совершенно обнаженных лесных полян, когда они уже и на поляну-то не ходят; но, если они покрыты кустарником и отдельно стоящими деревьями, в таком случае служат для тяги так же, как и меньшие.

над теми лесами, где самки сидят на яйцах, и ни от чего больше. Последние же ежегодно занимают одно и то же место, что и понятно, если принять во внимание, что вальдшнеп в настоящее время довольно многочислен и, мало вытесняемый человеком, не принужден еще уходить далеко на север.

Что касается высоты полета вальдшнепов во время тяги, то она стоит в полной зависимости от высоты деревьев, над которыми птица тянет. А именно: приблизительно вальдшнеп летит аршинах в 3-х или 4-х над вершинами леса, иногда еще ниже; в лесах хвойных, глухих, летит, напротив, гораздо выше, точно как будто для того, чтоб его было виднее. Но заметим, что высота полета птицы во время тяги подвержена значительным изменениям. Прежде всего, не всегда вальдшнеп летит на одинаковой высоте над лесом даже в то время, когда, по-видимому, ему ничто не мешает. Вероятно всем охотникам известно, что иногда, подлетев к поляне, он внезапно спускается гораздо ниже, приблизительно в полдерева, пролетает стрелою поляну, виляя между кустами, если такие найдутся, и либо исчезает в лесу, не поднимаясь выше, либо взмывает кверху и уже затем продолжает тянуть дальше, хрипло похоркивая. Чем объяснить подобное поведение птицы — решить трудно, но надо заметить, что подобные случаи относительно довольно редки.

Направление полета, строго говоря, никогда не бывает определено. На небольшом пространстве, как при перелетах через поляны, просеки и т.п., вальдшнеп всегда летит прямо, часто большинство птиц тянут в одном и том же направлении, но зато, перебравшись через них, очутившись над деревьями, он нередко заворачивает таким образом, что на полете описывает около поляны полкруга, улетая обратно в прямо противоположном направлении, иногда в том же месте, откуда и вылетел. Заворота над полянами нормально, при вполне спокойной тяге, наблюдать не приходится, и можно сказать, что это бывает только в том случае, если тянувший вальдшнеп увидит внезапно охотника или испугается какой-либо хищной птицы. Что касается оврагов, поросших теми же деревьями, из каких состоит и лес, и по возрасту и по породам, тяга всегда бывает вдоль них. Изменяется ли высота полета в зависимости от момента тяги, т.е. раньше или позднее вечером, сказать трудно, но скорее можно думать, что этого не бывает. Только поздней весной, когда тяга начинает ослабевать, в редколесье или хвой-

ном лесу, по свидетельству г.В-ского, «когда уже совсем стемнеет, слонка любит замедленно протянуть в полдерева».

Но, в противоположность только что сказанному о влиянии на полет вальдшнепа часа дня, тяга находится в полной зависимости от состояния погоды. Ветер или безветрие, дождь, понижение или повышение температуры — все это оказывает громадное влияние на тягу, а потому мы и остановимся на этом несколько дольше, чтобы ознакомиться со всеми условиями, управляющими ходом тяги.

В холодный светлый вечер, когда небо не загромождено облаками и солнце село чисто, не за тучу, вальдшнепы тянут всегда очень высоко, полетом ровным, прямым, не поднимаясь и не опускаясь параллельно вершинам леса, а держась постоянно на одной высоте. В такой вечер птица чрезвычайно как точно держится одного и того же направления и несколько раз пролетает тою же самою дорогой, не уклоняясь ни вправо, ни влево. Отсюда можно заключить, что для охоты такие вечера очень удобны: стоит только встать на хорошее место, и стрельба выйдет превосходная, один и тот же вальдшнеп будет налетать несколько раз; но при этом существует одно неудобство, к сожалению, весьма важное и заключающееся в том, что в погоду холодную вальдшнепы тянут недолго, а кроме того, стрельбе мешает и высота их полета. В холод вальдшнеп летит очень быстро, торопливо хлопает крыльями, хрипло похоркивает, и, смотря на него в эту минуту, никак нельзя предположить, что у птицы «любовь на уме»... Совсем иное дело в теплый, пасмурный вечер, когда небо застелется облачками и начнет моросить мелкий дождик. В такую погоду вальдшнеп летит лениво и плавно, протянет над одним и тем же местом в вечер несколько раз, и притом почти над самыми древесными верхушками. В такие-то вечера он вполне предается своей страсти и медленным, ровным полетом, подняв все перья, отчего кажется гораздо больше, чем на самом деле, как бы напрашивается на выстрел... Почти так же хороша тяга бывает в тех случаях, когда днем шел дождь, а к вечеру разгуляется, лишь бы на следующий день не было ненастья. Но стоит только подуть ветру — и правильность тяги нарушается. Впрочем, направление ветра играет весьма важную роль. Вообще замечено, что при северном и восточном ветре вальдшнепы не тянут; при холодной и вместе с тем пасмурной погоде с запад-

ным или северо-западным ветром тяга также плоха, что наблюдается даже в сырую погоду, но если при заходе солнца дул сильный ветер. В те же вечера, когда в воздухе душно, как перед грозой, напротив, тяга иногда бывает превосходна, и совершенно обратное замечается в теплый, сухой вечер, когда подует восточный ветер, а небо чисто, что говорится — ни облачка¹². Отсюда очевидно, что тяга находится в полном соответствии с большею или меньшею влажностью воздуха и температурой. Но было бы ошибочно предположить, что то или другое в один только вечер обуславливает собою лучшую или худшую тягу: состояние погоды следующего дня имеет чуть ли даже не большее значение. Случается, что вечер очень хорош, все заставляет рассчитывать на прекрасную тягу, а вместо того тяги нет; в таком случае на следующий день наверно будет ненастье. Таким образом, и эта черта в жизни вальдшнепа имеет себе вполне аналогичное явление в жизни другого полигама, на которого мы уже указывали, — глухого тетерева.

Переходим теперь к продолжительности тяги. Как выше было сказано, дня через 2 или 3 при пролете обыкновенном, через 5 или 8 при раннем и в первый же вечер после начала высыпок, т.е. первой высыпки, на пролете позднем местные и пролетные вальдшнепы начинают тянуть¹³. Впрочем, относительно последних это имеет место только в том случае, если они останавливаются на отдых дня на 2 или на 3, в противном же случае для них тяги нет. Но, конечно, не в одной, так в другой местности, а

¹² По свидетельству Гофманна, прекрасная, хотя и непродолжительная тяга бывает даже в то время, когда идет снег и при сильном дожде; но если к этому присоединится порывистый ветер, так что дождь, как у нас говорится, «стегает», вальдшнепы хотя и тянут, но летят очень быстро.

¹³ Западноевропейские зоологи определяют время прибытия вальдшнепов таким образом: когда прилетают вяхири, юлы, белый аист и певчий дрозд, начинается прилет и вальдшнепов; черногрудка (*Ruticilla tithys*, Scop.) прилетает обыкновенно одновременно с ними. Из растений к этому времени пробиваются обыкновенно печеночница (*Anemone hepatica*) и лютик (*Ranunculus ficaria*). И напротив, когда начнет свою песню черноголовка (*S. atricapilla*, Briss.), услышат вертишейку (*Juncx torquilla*, L.), оденется листвою боярышник (*Crataegus oxyacantha*, L.) и распустятся на лугу золотые цветы одуванчика (*Taraxacum officinale*, Wig.), — пролет приходит к концу. — У нас на юге, по Нордманну, время прибытия вальдшнепов совпадает с началом цветения *Leontice odessana*. Под Москвой прилет вальдшнепов узнается промышленниками по прибытию черных коршунов (*Milvus ater*, L.).

стоянки бывают, так что можно просто принять, что пролетные тянут вместе с местными. Поэтому уже а priori можно предположить, что время начала тяги приблизительно у всех одинаково. И действительно, тяга, как внешнее выражение разыгравшегося в птице полового стремления, появляется у вальдшнепов одновременно, сейчас же как только состояние погоды и условия местности на их пролете позволяют ей выказаться. А отсюда очевидно, что и конец тяги в местностях сходных, хотя в известное время года, по климатическим и другим условиям, приблизительно же должен быть в одно и то же время.

Таким образом, продолжительность тяги, взятая сама по себе, всегда строго определена, но для птиц, гнездящихся под различной широтой, всегда различна, что прямо обуславливается сроками их прибытия на родину. Нельзя, однако, не заметить, что большинство охотников до сих пор путается в определении продолжительности тяги или, говоря точнее, в определении срока ее окончания. В этом ошибались даже лучшие охотники, как Н.Основский, М.Вавилов и др., и только С.Т.Аксаков не впал в ошибку и в этом отношении, благодаря тому, что был не простой охотник, а вместе с тем страстный и точный наблюдатель природы. Действительно, тяга в то время, когда весна уже перешла в лето, не может привлекать к себе охотника, — и зачем он пойдет в лес вечером в начале июля, когда протянет один, много два вальдшнепа, и к тому же в лесу тихо и скучно? А к этому времени лесные птицы почти все умолкают. Давно притих соловей, одна за одной притихли пеночки, уже не слышно трескотни полуночника, настало лето, время выхаживания молодых и линьки старых птиц... И только охотник-натуралист, знающий не одни правила стрельбы и нахождения дичи, а обладающий желанием всегда наблюдать и изучать природу, пойдет в лес даже в это время, не возьмет с собою ружья, но простоит целый вечер, может быть только для того, чтоб убедиться, что вальдшнепы еще не перестали тянуть...

Итак, продолжительность тяги несколько более трех месяцев, считая с ее начала вскоре после начала прилета (в последней трети марта) и кончая началом линьки (начало июля). Понятно, что в такой громадный срок тяга совершается не всегда с одною и тою же горячностью. Первое время, в течение нескольких дней, особенно при неблагоприятной погоде, вальдшнепы тянут слабо, но как только чаще начнет дуть юго-

западный ветер, в воздухе станет теплее, валовой пролет в самом разгаре, — тяга принимает определенный, постоянный характер. В это время тянет наибольшее число вальдшнепов, потому что одинаково тянут как пролетные, так и местные, но вскоре подобные тяги кончаются и уже тянуть продолжают только местные. Из последних первое время в тяге участвуют только самцы, потом к ним присоединяются и самки, но в половине мая (в местах гнездовья) последние уже насиживают яйца и потому участия в тяге не принимают. Однако, если охотнику придется убить самку вальдшнепа на тяге именно в это время, в этом нет ничего удивительного и объясняется просто тем, что первые яйца были потеряны и птица приступила ко вторичной кладке. Но даже в то время, когда самки уже сели на яйца, тяга продолжается в течение 2 или 3 недель по-прежнему, и только в начале июня, к десятому этого месяца, число тянущих вальдшнепов постепенно уменьшается, и в конце этого месяца тяга нормально оканчивается; но иногда, по замечанию В. Сперанского, даже в июле можно видеть вальдшнепа на тяге.

Таким образом, продолжительность тяги обнимает собою период от конца марта и до начала июля; но самая горячая, страстная пора тяги в местностях, где она продолжается наиболее долго, т.е. в наших средних губерниях, бывает в течение второй половины апреля, всего мая и, иногда, начала июня. В это время вальдшнепы тянут почти не переставая в течение всей ночи¹⁴, но ежедневное начало тяги, как в это время, так и раньше, подвержено различным изменениям. Раннею весною, когда лес еще не оделся зеленью и деревья только надули почки, тяга начинается уже поздним вечером, после захода солнца, когда стемнеет; но с течением времени, по мере того как распускаются деревья, вальдшнепы начинают тянуть раньше и раньше, обыкновенно сейчас же после заката солнца и редко запаздывая на несколько минут. Во второй половине мая тяга начинается иногда в то время, когда солнце еще не

¹⁴ Впрочем, с охотничьей точки зрения тяга вплоть до утра не имеет большого значения, потому что в это время, т.е. перед рассветом, так темно, что стрелять невозможно. Но в Германии, по Гофманну, утренней тягой пользуются, чтобы определить количество тянущих вальдшнепов и тем самым узнать, стоит ли на них охотиться на следующий день с собакою или приберечь для охоты с загонщиками.

село. Чем объяснить подобное явление, до сих пор не решено окончательно, но во всяком случае ходячее объяснение, что вальдшнеп начинает тянуть раньше поздней весной оттого, что лес в это время оделся и густ, представляется маловероятным. Скорее всего можно думать, что это обусловливается сильно разыгравшимся половым стремлением птицы. В хвойном лесу, по замечанию г. В-ского, тяга обыкновенно начинается раньше, чем в лиственном, но вряд ли это происходит от того, как думает упомянутый автор, что в хвойном лесу сумерки ложатся раньше. Подобное объяснение имело бы место в том случае, если бы вальдшнеп тянул не над лесом, а в полдерева, как это иногда бывает поздней весной; но раз он тянет обыкновенно, — трудно допустить подобное объяснение.

Как известно, самую характерную, самую выдающуюся особенностью тянущего вальдшнепа служат издаваемые им в это время крики. Обыкновенно молчаливая птица тянет, не переставая издавать два различных звука, которые или следуют один за другим совершенно правильно, т.е. сначала повторяется известное число раз один, затем другой, или же правильность нарушается и один, а то и оба звука слышатся не в очередь. Из этого легко видеть, что песнейю подобные крики никак не могут быть названы. Это не более, как призывный крик самцов к самкам, на который последние в известное время и являются на тягу. Один из этих звуков называется у охотников **хорканьем**, другой **циканьем**, но как то, так и другое название не дают точного понятия о самих звуках.

Обыкновенно хорканье передают так: «хорр, хорр»; или «хрр, хрр»; некоторые, как Левшин, а за ним и С.Романов, думают, что они ближе к истине, передавая хорканье словами: «хуарр, хуарр», но, как кажется, это самое неудачное подражание из всех существующих. Дело в том, что хорканье не представляет собою особенных, резко разграниченных звуков: это, напротив, звук однообразный, глухой, и уже отсюда ясно, что передать его точно так же невозможно, как невозможно передать, например, бормотание тетерева. Но, конечно, говоря относительно, этот звук может быть передан более или менее точно, и что касается моего личного мнения, которое разделяют и многие охотники, самое точное, самое меткое название, а отсюда и звукоподражание так называемому хорканью должно видеть в мало распространенном другом названии этой части песни: недаром местами валь-

дшнепа зовут «кряхтуном», местами «храпуном» — названия, которые он заслужил именно за издаваемые им крики. И действительно, хорканье скорее всего походит на кряхтение или охание, резкого звука «р», играющего такую видную роль во всех звукоподражаниях крику вальдшнепа, нет и следа. И потому вернее всего можно передать этот крик словом «квог»...

Что касается остальной половины песни, то в противоположность разобранным, она состоит из резкого, как бы стального, крика, который наши охотники передают обыкновенно словом «цсу». Но надо произнести этот слог слишком резко, чтобы вышло хоть что-нибудь похожее на истину. То же нужно сказать и о звукоподражании циканью, данном западноевропейскими натуралистами, — «псиеп». Повторяем — слог слишком резок, чтобы поддаться изображению буквами наших азбук.

Другое обстоятельство, относительно которого также существует полное разногласие в среде охотников, заключается в том, можно ли отличить самца вальдшнепа от самки по крику, и если можно, то какое же в этом существует различие. Господствовавшее прежде мнение состояло в том, что самец только хоркает, самка только цикает, но против такого определения уже давно начали появляться возражения, и теперь окончательно решено, что самец и хоркает, и цикает, самка же, действительно, только цикает. Заметим, однако, что нам не раз приходилось видеть тянущего вальдшнепа, который только хоркал, и все убитые особи, не издававшие циканья, оказались самцами. Первые звуки, издаваемые тянущим вальдшнепом, — резкое циканье.

В теплый, несколько пасмурный вечер, одним словом, такой вечер, который мы определили как лучший для тяги, и если притом вальдшнеп летит спокойно и не бывает ничем испуган, крики его обыкновенно следуют в таком порядке: «квог-квог-квоог-пси, квог-квог-квоог-пси» и т.д.; но если погода хоть немного ветреная или вообще из таких, которые не совсем благоприятны для тяги, чаще можно слышать, что хорканье повторяется только два раза и затем следует циканье. В хорканье последний слог при нормальной тяге как бы несколько продолжен и разбивается на две половины, что я и думал передать слогами «квоог». Что касается силы, с которой издаются хорканье и циканье, то она весьма незначительна, и если принять, что хорканье слышно шагов за 150 или немногим более, ошибки большой не будет; циканье же, как звук более

высокий и резкий, слышится несколько далее. Поэтому, слыша одно хорканье без циканья, никак нельзя допустить, что циканья не слышно за дальностью расстояния, а просто надо принять, что иногда самцы тянут, только хоркая. Чтоб убедиться в этом, я замечал те вершины деревьев, те лесные овраги, вдоль которых тянет вальдшнеп с хорканьем без циканья, ждал, не протянет ли тою же дорогой другой, и действительно мои ожидания неоднократно были вполне успешны и я не без основания утверждаю, что самец способен иногда только хоркать.

Переходя к самкам, должно заметить, что хотя они и тянут в продолжение некоторого времени вместе с самцами, однако число их никогда не бывает значительно. Часто случается, что в том месте леса, над которым тянут самцы, низко и молча пролетает самка: если самец ее заметит, он как стрела бросается за нею вдогонку и после этого уже оба вместе опускаются где-нибудь в кусты¹⁵. Иногда самка тянет над лесом, но или молча, или только цикая, и во всяком случае тяга ее долго не продолжается, и она скоро улетает, преследуемая самцом... Еще чаще случается по вечерам видеть самок, если приходится стоять на тяге у лесной опушки. Обыкновенно после захода солнца, когда уже делается темно и в лесу смолкнет, самки вальдшнепов перебираются из чащи, где они держались днем, на прилегающие болота или пастбища, обычное место их кормления. Но что такие перелеты — не тяга, следует уже из того, что в таких случаях самки всегда летят молча, без циканья.

Заметим здесь же, что иногда и самцы в свою очередь издают только звуки циканья без хорканья. Обыкновенно это бывает в то время, когда два самца преследуют друг друга. При этом они быстро носятся над лесными вершинами, низко опускаются на просеках и полянах, и затем опять взмывают кверху, пока один окончательно не скроется от своего гонителя¹⁶. Та-

¹⁵ Точно также тянувший самец бросается в чащу, если заметит притаившуюся на земле самку. Обыкновенно при этом он складывает крылья, хвост распускает веером и бросается стремительно вниз, причем слышится звук из быстро следующих один за другим двух слогов, то повышающихся, то понижающихся.

¹⁶ Однако, надо заметить, что часто самец гонится таким образом за самкой, и в этом случае, как и в предыдущем, оба только цикают. Передняя птица при этом всегда самка, что не бесполезно было бы принять нашим охотникам к сведению.

кие преследования приходится наблюдать чаще всего до начала тяги, хотя случается, что в самый разгар ее вдруг налетят два таких противника, вилля между группами деревьев. По всей вероятности, подобные преследования — не что иное как результат драки самцов, причем победитель и гонится за побежденным. Иногда драки вальдшнепов бывают очень ожесточены и несколько не уступают боям других полигамов. В большинстве случаев они оканчиваются тем, что птицы повышиплют друг у друга перья — и только; но иногда противники сцепляются с таким ожесточением, что не могут уже удержаться в воздухе и, сбившись в комок, падают в кусты. Число таких драчунов никогда не бывает значительно: два, три, редко больше; хотя и бывают случаи, что в драке принимают участие более 5 самцов, но при этом около, так сказать на виду у противников, всегда находится самка, за которую происходит побоище. Что в это время птицы сильно увлекаются взаимным преследованием и обращают мало внимания на окружающее, подтверждается большинством охотников, которым удавалось стрелять в таких раззадоренных дракою вальдшнепов. В это время птицы постоянно издают крики, но циканья не слышно, а беспрестанно раздается только «квог-квог-квог...» в разных тонах. Но гораздо интереснее то обстоятельство, что, подобно некоторым другим птицам и зверям, вальдшнеп во время яра приходит иногда в такое возбужденное состояние, что налетает на охотника и даже садится на него. Рассказы об этом, перешедшие к нам сначала от иностранных зоологов, позднее нашли себе подтверждение и в среде русских охотников, так как, без сомнения, именно к числу подобных случаев относится описанная А.М.Бутлеровым проделка вальдшнепа, который сел во время тяги к нему на шляпу.

Если выше было сказано, что вообще в тяге можно различить три периода: первый — начальный, когда тянут только самцы, второй — тяга в полном смысле этого слова, так как в ней принимают участие оба пола и в это же время происходит оплодотворение самок, и третий — конечный, когда опять тянут только самцы, то, как бы в параллель этому, можно и ежедневную тягу подразделить на три периода, характеризующиеся тем же, чем и выше упомянутые. Разница только в том, что параллельным такое деление является исключительно для ежедневных тяг второго главно-

го периода, т.е. при участии самцов и самок. Обыкновенно же, хотя большинству охотников известно, что существуют вечером два момента, когда тяга на несколько минут прекращается, но кто же станет на это обращать внимание. Однако не должно думать, что эти периоды совершенно резко обособлены один от другого, и никак нельзя сказать, что в такой-то из них самки никогда не являются на тягу. Начинают тянуть однако всегда самцы, обыкновенно за несколько минут до захода солнца...

Вечерет. Медленно спускается солнце по небосклону, и чем ниже, тем ярче его лучи обдают своим полымем лесные окрестности. Вот оно зашло за деревья и, как огненный шар, смотрит меж их стволов. По вершинам леса прошли пурпуровые волны и те же лучи пролились на пушистое облачко, неизвестно откуда плывущее в высоте неба... Море света льется все дальше и дальше и, точно гигантский пожар, охватил закат лес и все небо. Только в лесной чаще царят мрак и сырость, да в глубоком овраге, куда не доходят лучи солнца, легли мягкие синеватые тени. В лесу все тише. Уже не слышать зябликов, примолкли и остальные пичужки. Вот гаснет и закат. Медленно ползет издали мгла и так же медленно спускается на землю завеса весенней ночи. В свежем воздухе сильнее запахло черемухой... В кусте затрещал полуночник. А вот вдали над заснувшими вершинами лесных деревьев раздалось мерное хорканье и циканье вальдшнепа. Вы схватываете ружье, глазами впиваетесь в птицу, но она быстро проносится стороною, не переставая хрипло похоркивать... Еще рано...

Совсем скрылось дневное светило. Примолк и лес. Угомнились, заснули дневные птицы и только какая-то бойкая тростянка не прекратила своей песни в ближней уреме. В лесной глуши уже прокричала сова. Один за другим с шумом срываются с берез майские жуки... Все тише, крики вальдшнепов громче, но вот в кустах щелкнул соловей — раз, другой — и полились трели его чудного голоса. И лес точно ожил. Чарующие звуки как будто обдали его своим потоком и далеко пронеслись среди заснувшей чащи, утопая в ее мраке. Где-то вдали затянул другой, и еще мягче, еще гармоничнее слышится его песня... И вдруг над поляною вылетает вальдшнеп. От приподнятых перьев вся его фигура кажется больше, он еле движется... Его крылья плавно и мерно рассекают воздух. С осо-

бенною отчетливостью слышатся хорканье и циканье. Вот он протянул над поляною, по-прежнему раздался его хриплый крик и точно эхо повторился где-то сбоку... Там, над березами, тянет другой. Быстро бросаются птицы друг на друга, крики их раздаются чаще... Уже близко..., мгновение и два носатых противника вступают в бой. То и дело взмывают они кверху, бросаются вниз, колют друг друга клювами, носятся туда и сюда... То вдруг падают, кувыряясь в воздухе, то опять поднимаются, — и долго продолжается такая битва, пока один не уступит и не нырнет в лесную чашу, а за ним вдогонку кинется и победитель.

Стемнело. На небе загорелись звезды, сквозь ветви мелькнул тонкий серп месяца, тяга на некоторое время кончилась... На западе протянулась светлая полоса вечерней зари и тихо кругом. Только издали слышится соловьиная песня, да где-то до насада кукует кукушка. Поля и лес слились в один общий тон, по вершинам задымились белые испарения. В непроходимой чаще, в овраге, ухнул филин и, успокоенный окружающей его тишиною и мраком, однообразно начал повторять тяжелые, глухие звуки... Совсем пала на землю завеса весенней ночи и опять началась тяга. Самих птиц уже не видно, но хриплое хорканье их слышнее, чем прежде, и будет слышаться до рассвета.

Таков общий вид тяги в то время, когда она в самом разгаре, т.е. когда к тянущим самцам прилетают самки и отчасти тянут вместе с ними. Следовательно, здесь мы видим то же, что и у тетеревей. Как там, так и здесь самки принимают участие в токах, только они никогда не остаются на них долго и являются за тем, чтобы увести с собою самцов. Но если тетерка выбегает на ток и там ластится к самцу, чтобы пленить его своими прелестями, самка вальдшнепа только ограничивается появлением на тяге. Впрочем, очень может быть, что ее циканье имеет своим назначением обратить на себя внимание летающих самцов. Кому принадлежит выбор, самцу или самке, я положительно не берусь решить, однако нельзя не согласиться, что некоторые обстоятельства как бы указывают на то, что выбирает самка. Из них особенного внимания заслуживают преследования самок самцами. Иногда тянущий самец вдруг бросится к летящей молча и низко самке и оба тут же падут среди деревьев, иногда, напротив, самец гонится, как бы силится заставить самку опуститься на землю и ему никак это не удается. С другой стороны, некоторые данные, собранные охот-

никами, заставляют предполагать иное. Так, например, г. В-ский рассказывает, что он видел однажды, как один вальдшнеп пыривался спуститься на землю, а другой упорно этому противился, под ними же молча, прижавшись к земле и немного согнувшись на ножках, сидела самка. Таким образом, самка здесь была совершенно безучастною зрительницей, и за это еще более говорит то, что она, как прибавляет далее рассказчик, лишь только самцы близко подносились к ней, совсем притаивалась и распушенные крылья ее дрожали. Здесь, очевидно, над всем брало верх половое стремление, хотя, конечно, могло быть, что счастливый самец уже наслаждался со своею пестрою красавицей, когда другой помешал им, из-за чего и произошла виденная упомянутым автором сцена...

Заметим, что вальдшнепы тянут гораздо горячее, т.е. с большим увлечением, чем, например, токует косач. Может быть с первого раза и покажется, что дело происходит не так; но если принять во внимание, что выстрел заставляет тянущего вальдшнепа только изменить направление полета, а далее птица летит по-прежнему, издавая свое хорканье и циканье, что испугавшись хищной птицы, он нырнет в кусты и потом все-таки продолжает тянуть, хотя и другим местом, — легко согласиться, что наше замечание справедливо. И в том, и в другом случае косачи перестают токовать и один за другим улетают с тока.

Итак, вечером, обыкновенно еще в то время, когда не совсем стемнело, на тягу начинают прилетать самки. Последнее стоит в настоящее время окончательно вне всякого сомнения, так как редкому охотнику не приходилось убивать на своем веку тянущих вальдшнепиных самок. Конечно, их бывает немного, они появляются вразбивку, но важен самый факт их участия в тяге и дело не в числе. Но, как было замечено выше, самкам не приходится тянуть долго, и скоро они улетают с тяги, сопровождаемые самцами. Таким образом, спаривание происходит всегда в некотором расстоянии от того места, где встретились самец и самка. Иногда это расстояние весьма незначительно и птицы отлетают едва на несколько десятков шагов, иногда напротив они уходят гораздо дальше. Но вообще можно заметить, что местопребывание таких пар никогда не бывает очень удалено от опушки или лесной поляны, одним словом, от места добывания пищи. Следовательно, можно с полным правом предположить, что такие пары держатся

вместе по крайней мере целую ночь и вместе кормятся зорями. Очень многим охотникам приходилось поднимать такие пары, возвращаясь с тяги, и, прибавим, самец и самка в этих случаях всегда разлетаются в разные стороны, безразлично — были ли они подняты вместе или один за другим.

С рассветом пары расходятся. Самка удаляется к своему гнезду, самец забирается в чашу, чтобы отдохнуть, а перед вечером наскоро опять похватать корму.

Когда кладутся яйца, прямым наблюдением не прослежено, но вероятно до полдня, хотя и не ранним утром, судя по времени спаривания. Снесши яйцо, самка не сходит с гнезда до вечера, т.е. до того времени, когда летит для нагуливания следующего. В средней полосе это бывает обыкновенно около половины мая, но, конечно, время кладки подвержено значительным изменениям, сообразно с географической широтой места, климатом и другими условиями.

Самцы же вальдшнепы по-прежнему продолжают тянуть и только в июне число их постепенно уменьшается, пока в конце этого месяца или в начале июля тяга не прекратится совсем; после этого самцы перебираются в чашу, которую уже и не оставляют в продолжение всего периода линьки.

Стрельба на высыпках. Стрельба на тяге.

*«...Сквозит на зареве редеющих небес
И мелким предо мной рисуется узором
В весенние листья едва одетый лес,
На луг болотистый спускаясь косогором.
И глушь, и тишина. Лишь сонные дрозды
Прерывисто свое оканчивают пенье;
От луга всходит пар... Мерцающей звезды
У ног моих в воде явилось отраженье;
Прохладой дунуло, и прошлогодний лист
В дубах зашелестил. Внезапно легкий свист
Послышался; за ним отчетливо и внятно
Стрелку знакомый хрип раздался троекратно
И вальшнеп протянул...»*

Гр. А. Толстой.

Познакомившись с весенним образом жизни описываемой птицы, в заключение этой главы нам остается только рассмотреть способы охоты за нею, существующие в это время

года. Способы эти, однако, далеко не многочисленны, их всего-то два, но оба они совершенно отличны один от другого и, как вероятно известно читателю, принадлежат к одним из лучших весенних охот. Первый из них составляет так называемую стрельбу на высыпках, второй — на тяге. Отдавать предпочтении той или другой из этих охот, само собою разумеется, дело вкуса, но это зависит в весьма значительной степени от взгляда охотника на ружейную охоту вообще. Полагает он свое высшее удовольствие следить за собакою, — конечно, для него дороже стрельба на высыпках; если он особенно дорожит своим выстрелом, — нет никакого сомнения, что он отдает предпочтение тяге. За последнюю будут и те, которые, не впадая в одностороннюю крайность, любят в охоте всю совокупность составляющих ее факторов. Как бы то ни было, и тот и другой способ охоты весьма трудные и требуют со стороны охотника большого спокойствия и умения владеть ружьем.

Познакомимся же насколько возможно подробнее с обоими этими способами, причем будем придерживаться в своем описании той последовательности, в которой эти охоты идут одна за другой по времени, не проходя молчанием и прочие способы стрельбы вальдшнепов, способы случайные и не заслуживающие названия правильной охоты. Самая ранняя охота за вальдшнепами начинается еще в то время, когда только что показываются их отдельные особи. Выше мною уже было указано как место, так и время появления таких ранников, а также и высыпок, и потому теперь я займусь описанием только самой охоты. Понятно, что несколько дней со времени появления первого вальдшнепа охота не представляет никакой правильности, носит вполне случайный характер и может доставить удовольствие разве тем, что вскоре обещает богатую жатву. К тому же в это время она иногда бывает до крайности утомительна. Хорошо, если местность представляет смешанный характер, т.е. в ней находится и мелколесье или кустарник, и большой лес, но если ее характер вполне лесной, как, например, в наших северных и западных губерниях, и притом леса с подседом, — добывание вальдшнепа делается ужасно трудным. А, между прочим, избежать этих лесов нет никакой возможности. Где только они есть, первые вальдшнепы попадают всегда одновременно и в крайне ограниченном числе как по оттаивающим проталинам мелколесья, так и около пней

больших старых лесов, поросших кустарниками, — следовательно, кто хочет завладеть первыми вальдшнепами, волей-неволей, а иди всюду. Конечно, в местности богатой кустарниками можно поудержаться и не идти в такие уголья, в надежде на скорые высыпки, но там, где местность исключительно лесного характера, высыпок не бывает и, следовательно, в ожидании тяги остается только мерить леса. А что при этом приходится выносить — и представить трудно. Болотная почва, на которой вырастают хвойные леса, размокает к этому времени до крайности, вода стоит сверху и к тому же все завалено упавшими сучьями, сломанными деревьями, так что как раз можно споткнуться. Местами только остаются относительно сухие пространства, и сюда-то забирается обыкновенно вальдшнеп. Днем он положительно не выходит из этих мест, и если принять во внимание, что, прошатавшись с утра до вечера, встретишь только двух, много трех, пожалуй и согласишься, что игра не стоит свеч... Несколько легче охотиться в таких местах к вечеру: тогда вальдшнеп выбирается на опушки и просеки, или в ненастную погоду, когда образуется так называемая капель¹⁷, от которой вальдшнеп спасается сюда же. Обыкновенно здесь ель и сосна растут вперемешку с можжевельником и ольхой, но нередко все это настолько густо, что и собаке трудно пробраться, и стрелять не легче. К тому же вспугнутые здесь вальдшнепы всегда слетают в лесную чащу.

Совсем иное дело в тех местностях, где останавливаются вальдшнепы пролетные. Мелколесье или высокий кустарник, конечно, иногда мешают стрельбе, но при достаточном навыке это неудобство не имеет большого значения и охота все-таки бывает добычлива. Стрельба на высыпках начинается одновременно с валовым пролетом. Стоит только найти недалеко один от другого двух или трех вальдшнепов, наверное можно сказать, что здесь целая высыпка. Собака на этой охоте может оказать значительную помощь, но при этом следует заметить, что нужна собака вежливая, не гоняющаяся за взлетающей

¹⁷ Весенняя капель, т.е. падение воды каплями с деревьев, несколько разнится с осенней по происхождению. В то время как осенью капель образуется вследствие дождей, весной она нередко вызывается выпадением сильного, притом мокрого снега, который, оставаясь на деревьях и потом тая, падает каплями.

дичью, в противном же случае, т.е. собака горячая, гоняющаяся за птицею, только помешает. В этом случае, как только она найдет высыпку, лучше привязать ее и уже далее обходиться без ее помощи. Высыпки иногда бывают очень многочисленны и потому на результат охоты имеет также громадное влияние горячность самого стрелка. Нападая на высыпку, и если притом имеешь добрую, вежливую собаку, следует осторожно подвигаться вперед, тихим, ровным шагом и заставляя собаку обыскивать все места, все кусты справа и слева. Особенно помогает при этом собака с дальним чутьем. Вальдшнеп с прилета строг, собаку близко не подпускает, стойку не выдерживает, и потому, если собака потянет еще издали и тем самым покажет, где сидит птица, охотник всегда может выбрать для выстрела более или менее удачное положение, чтобы не мешали кусты или древесные сучья. Не напуганные вальдшнепы никогда не пересаживаются далеко; описав дугу, они нередко опускаются на виду у охотника и при этом вначале сидят неподвижно и только потом, обсидевшись, начинают уже перебегать с одного места на другое. К таким пересевшим особям никогда не следует подходить; раз напуганные, они не скоро подпустят на выстрел и, гоняясь за ними, только будешь распугивать остальных. Поэтому, оставив в покое пересевших, следует не спеша подвигаться вперед, внимательно следя за собакою и не позволяя ей пропускать кусты. То же самое надо сказать и о том случае, если приходится охотиться одному, без собаки. Только понятно, что при этом обыскивать кусты надо еще тщательнее, а то как раз пропустишь вальдшнепов, сидящих крепко и близко, и они уже будут взлетать после того, как пройдеши мимо них, т.е. сзади охотника. Кроме того, при такой охоте, где собака уже не указывает места, где притаилась птица, надо по возможности всегда быть готовым к выстрелу, всегда занимать более или менее выгодное положение, чтобы взлетевший вальдшнеп отнюдь не застал врасплох, что очень легко может случиться, так как эта птица всегда старается вылететь из-за куста. Поэтому в мелколесье, где сучья закрывают птицу, выстрел посылается иногда совершенно наудачу. Не лишним заметить, что вообще в лесу вальдшнеп редко летит наискось. Последнее обыкновенно бывает в том случае, если он не поднимается выше вершин леса и садится невдалеке, но это случай крайне редкий. Гораздо чаще случается, что он взмы-

вает кверху между древесными стволами, производя значительный шум, залопотав крыльями, как говорят некоторые охотники, и уже выбравшись на чистоту, описывает дугу и падает опять среди деревьев. В таком случае стрелять его следует именно в то мгновение, когда он, поднимаясь кверху, не добрался еще до сучьев древесных вершин; если же он летит наискось, надо ловить те моменты, когда приходится видеть его мелькающим между стволами. Последний выстрел самый трудный, требующий громадной быстроты во вскидке ружья и опытный глаз, чтобы не ошибиться в расстоянии. Понятно, что при стрельбе на высыпках таких затруднений нет, хотя, конечно, в мелколесье сучья все-таки мешают. Но все затруднения исчезают, если приходится стрелять в низкорослом кустарнике, так в полроста человека. К сожалению, это приходится не часто, обыкновенно по ягодным садам, и как исключительный случай нападешь на высыпку в таком кустарнике, помимо садов; но зато, попавши сюда, стрелять удобно и с собакою, и без собаки, хотя, конечно, добрая собака все-таки значительно облегчает дело. Вспугнутый в таких местах вальдшнеп, взлетев над кустарниками, летит плавно и прямо, сучья не мешают его взять на цель, и потому стрелять его можно не торопясь — одним словом, стреляешь как на болоте. На высыпке можно также охотиться несколькими людьми вместе, и, если нет хороших собак, пожалуй, можно даже допустить, что такая стрельба и веселее, и добычливее, чем одному. Но при этом, конечно, надо соблюдать то условие, чтобы идти охотникам цепью, цепь должна быть довольно часта, чтобы вальдшнепы не могли проскальзывать между охотниками назад, и с другой стороны настолько редка, чтобы охотники не мешали друг другу. Подвигаться вперед следует не опереживая и не отставая от товарищей, старательно осматривать все рытвины, все ямы, каждый куст, — одним словом, надо производить охоту так, как бы охотился один. Понятно, что с собаками такая охота еще занятнее, но в этом случае цепь должна быть пореже. Однако нельзя не заметить, что стрельба на высыпке в несколько ружей только тогда и хороша, когда высыпка велика. В противном случае, как и на большинстве охот, гораздо лучше охотиться одному. Особенно это можно посоветовать молодому, горячему охотнику, который не приобрел еще достаточной опытности в управлении ружьем, а между прочим самолюбие будет за-

ставлять его взять дичи не менее других. Тут можно наверное сказать, что каждый выстрел его будет промах, особенно если не повезло на первом. Когда же он охотится один — дело совсем другое. Тут он действует гораздо самостоятельнее и с большей осмотрительностью, и в конце концов все-таки насладится. Поэтому, отправляясь на высыпку компанией, надо собираться таким охотникам, которые хорошо знают друг друга, знают, что и от кого можно ждать. В противном случае один может испортить все поле нескольким...

Это и все, что можно было сказать о стрельбе на высыпках. Таким образом, читатель легко мог видеть, что в этой охоте, как и во всякой другой настоящей егерской охоте, существует весьма немного правил. Здесь нет никаких хитростей, разве только за хитрость считать поставить птицу так, чтобы выстрелу в нее не мешали сучья. Но давать в этом отношении наставления, конечно, не имеет смысла по причине тысячи непредусмотримых случайностей. Во всяком случае, если стрелок не очень горяч и к тому же с ним есть добрая собака с дальним чутьем и тихим поиском, можно всегда предвидеть более или менее удачный результат охоты. На хорошей высыпке, при удаче, можно взять пар десять, редко больше, но и это недурно.

Совсем другое представляет собою стрельба на тяге. Здесь иногда, как говорят охотники, бывает такая «незадача», что, простоявши целый вечер, не удастся и ружья разрядить. Но все-таки это лучшая охота, хотя до крайности истребительная, к чему мы еще вернемся.

В главе о весеннем образе жизни вальдшнепа я уже описал довольно подробно тягу, и потому при описании охоты на тяге мне придется быть довольно кратким во избежание повторений.

Приходить на место следует всегда за полчаса или даже за три четверти до захода солнца, так как нередко вальдшнепы начинают тянуть еще в то время, когда солнце не скрылось. К тому же, придя заблаговременно, всегда можно лучше осмотреться, лучше сообразиться с местностью, что имеет громадное значение, так как при навыке лучшее место тяги можно определить даже в незнакомой местности. Самое лучшее остановиться на поляне, близ опушки, причем не следует выбирать поляны большой: через них вальдшнепы тянут неохотно. К тому же, допустив даже, что этого не бывает, на большой поля-

не всегда менее шансов на то, чтобы птица налетела в меру, так как на большом открытом пространстве она всегда скорее заметит охотника, чем на малом, и, следовательно, может изменить направление своего полета заблаговременно. На малом же пространстве, если это и случится, все-таки редко дальше расстояния ружейного выстрела. Впрочем, если большая поляна поросла отдельными группами деревьев и кустиками, вальдшнепы нередко направляют свой лет через такие места, но, повторяю, здесь охота подвержена большим случайностям и потому, если можно, таких мест следует избегать.

Что касается высоты леса, в котором производится охота, то в большинстве случаев в этом отношении охотнику выбора не бывает. Редко местность представляет такие удобства, чтобы можно было раздумывать — идти в мелколесье или старый лес; но если это представится, что мы встречаем в некоторых лесных уездах центральных губерний, то лучше выбирать лес среднего возраста. В крупном, старом, притом сплошном лесу вальдшнеп тянет очень высоко и попасть в него из такой дали невозможно; напротив, в лесу средней величины высота его полета нормально всегда такова, что стрелять как раз в меру. Я сказал: нормально, потому что если читатель вспомнит, высота полета вальдшнепа, равно как и его направление и быстрота, — стоят в тесной зависимости от состояния температуры или, говоря точнее, от целой комбинации метеорологических данных, которую мы называем погодою. Переходя к мелколесью, можно посоветовать избегать его насколько возможно, и причиною этого следует считать не то обстоятельство, что в мелколесье трудно найти убитую птицу, — это неудобство устраняется с помощью собаки, — а то, что высота полета вальдшнепа в таком лесу чрезвычайно затрудняет стрельбу. Вероятно все охотники согласятся, что стрелять птицу гораздо ловчее, если она летит в нескольких аршинах над вами, чем в том случае, если она летит невысоко, так что конец ружейного дула приходится только немного поднимать над уровнем плеча. Встречные выстрелы, а также и выстрелы вдогонку при таком полете птицы очень трудны, хотя в случае, если она летит стороной, стрелять весьма удобно. Поэтому гораздо лучше выбирать для тяги лес из деревьев средней величины; стрелять здесь почти всегда удобно, к тому же и продолжительность стрельбы в таком лесу может быть более, чем в мелколесье, так как

на глазах охотника вальдшнеп пролетает большее свободное от деревьев пространство.

Относительно выбора места на самой поляне следует заметить, что лучше становиться на клину, т.е. где лесные деревья несколько выбегают на поляну или где сходятся две или более лесных дорог. Где же этого нет, надобно становиться просто около дерева, но притом так, чтобы с одной стороны быть по возможности скрытым, с другой — иметь возможность стрелять во все стороны. Эти два условия, по-видимому, противоречат одно другому, но на самом деле такое место в большинстве случаев можно найти. Обыкновенно не очень развесистое дерево с сучьями, нагибающимися не слишком низко, и окруженное кустами, представляет все удобства для стоянки на тяге. Хорошо, если на выбранной поляне таких деревьев несколько: главный лет вальдшнепов при благоприятных условиях совершается всегда более или менее по одному направлению, но в различные дни это направление меняется, и потому недурно иметь знакомое местечко на случай ошибки. Впрочем, если тяга идет беспорядочно, никак не следует перебегать с места на место, как это делают многие горячие охотники. Тут, как говорится, нужно покориться своей участи и ждать...

Из того, что всем охотникам известно о трудности встречных выстрелов, само собою разумеется, что становиться на место следует так, чтобы вальдшнепы вылетали несколько сбоку и сзади охотника, что имеет весьма важное значение: во-первых, вылетая сзади, птица по большей части не видит стрелка и потому продолжает лететь спокойно, не бросаясь в сторону; во-вторых, стрелять почти всегда приходится несколько сбоку и вдогонку, что представляет чуть ли не самое выгодное положение при выстреле. Большую помощь при стрельбе на тяге оказывают испускаемые в это время вальдшнепами крики. Привычное ухо может безошибочно указать по ним не только направление, по которому птица тянет, но даже то дерево, ту вершину, откуда она появится. Впрочем, такой навык вырабатывается не очень скоро и неопытный охотник постоянно будет ошибаться в определении места, откуда, по его мнению, должна вылететь птица. Древесные вершины, возвышающиеся более или менее значительными кущами, слабое дуновение ветра, наконец, поворот птицею головы в ту или другую сторону, — все

это заставляет звук переменять направление и вводить в заблуждение ухо охотника. Со временем нужная для определения места появления птицы опытность придет сама собою, но пока это будет, значительное число промахов стоит в зависимости от того, что ждешь птицу иногда совсем не с той стороны, откуда она появится. Это, да еще постоянные ошибки в определении расстояния при вечернем освещении — вот две главные причины, обуславливающие своим существованием трудность стрельбы на тяге. Притом последняя из них, т.е. неверное определение расстояния, никогда не может быть удалена окончательно и самый опытный охотник будет в этом отношении делать промахи. Сказать же здесь что-нибудь общее об определении расстояния, на котором следует бить птицу, нет никакой возможности, потому что это обуславливается чисто индивидуальной силой или слабостью зрения. Одно можно посоветовать — знать по крайней мере точное измерение поляны, на которой стоишь, в возможно большем числе направлений. Этим устранится хотя небольшое число промахов, а остальное все зависит от самого охотника, его большей или меньшей горячности, опытности и пр.

Впрочем, здесь не лишним будет упомянуть о тех приемах, которыми пользуются стрелки промышленники для подманивания тянущих вальдшнепов. Способы эти служат, между прочим, превосходным доказательством тому, что тяга есть ток. Первый и самый распространенный из них состоит в том, что, заметив вальдшнепа, тянущего не в меру, охотник подбрасывает вверх какой-нибудь предмет, довольно заметный, хоть шапку, который и падает тут же обратно на землю. Заметив подброшенную вещь, птица всегда изменяет направление и иногда налетает очень близко. Однако, обманутый таким образом вальдшнеп вторично, при обратном пролете, на такую хитрость не поддается и продолжает лететь, как ни в чем ни бывало. Эта особенность птицы, вполне аналогичная замеченному у самцов перепелов обыкновению бросаться в период яра на подброшенную вещь, которую и та, и другая птица в пылу страсти принимает за самку, очень хорошо известна всем охотникам, и потому я никак не могу сказать, почему это опровергается В.Сперанским. Конечно, настоящий охотник не станет пользоваться обманом, чтобы подманить птицу на выстрел, но для курьеза это делается почти каждым, делалось и мною, и, если предмет был подброшен так, что тянущий вальдшнеп его видел,

он всегда изменял направление своего полета в сторону замеченного предмета.

Другой способ манки состоит в подражании голосу вальдшнепиной самки. Выше мною было сказано, что самки тянут вместе с самцами, иногда низом, иногда в уровень с последними, но всегда или молча, или только цикая. На этой-то способности издавать циканье без хорканья и основан другой способ, посредством которого удается подманить самца на более близкое расстояние. Для этого охотник, скрывшись в кустах, должен только свистнуть, подражая крику самки, коротко и пронзительно: самец, услышав крик, который он принимает за зов, почти всегда сворачивает с прежней дороги и налетает на то место, откуда крик слышался. Некоторые советуют, стоя на тяге, разводиться костер, говоря, что вальдшнепы ночью летят на его дым, но хотя факт этот сам по себе и верен, объяснение его несправедливо, и вальдшнеп летит не на дым, а на огонь, как летит на него всякая другая ночная птица. Впрочем, костер может оказать и другую услугу: хоть немного защитит от комаров, которые на тяге буквально покрывают собою охотника.

Выше не раз было говорено о том, что в такой-то вечер вальдшнепы тянут лучше, в такой-то хуже: из этого никак не следует выводить такого заключения, что в разные вечера тянет различное число особей. Напротив, все заставляет нас предположить, что с окончанием пролета, когда вальдшнепы позаняли свои угодья, над известным участком леса ежедневно тянет только определенное число самцов и самок, именно те, которые живут тут же. Только в благоприятный для тяги вечер одна и та же птица пролетит взад и вперед несколько раз, в противном случае один, два, — отсюда и наблюдаемая разность в числе тянущих особей. При удачной охоте можно даже проследить постепенное ослабевание тяги по мере уничтожения участвующих в ней птиц, что особенно замечается там, где вальдшнепов мало. Иногда случается, что во весь вечер протянет три-четыре, стреляешь и ничего не убьешь; на другой день то же, но удачный выстрел — и тяга прекращается в этом месте на все лето, что ясно доказывает, что тянул один и тот же вальдшнеп.

Вот все, что, по моему мнению, следовало сказать о тяге. Прибавлю только, что хотя охота на тяге может происходить без собаки, чем она собственно и разнится от стрельбы на высыпках, где без собаки, как говорится, охота не в охоту, но если воз-

можно, лучше иметь при себе собаку, какую бы то ни было, лишь бы только умела находить и подавать убитую дичь. Без собаки же не убитый сразу наповал вальдшнеп наверно не будет найден. Стрелять крупной дробью не приходится, большинство выстрелов не в меру, все это ведет к тому, что вальдшнеп редко падает на том месте, где в него попала дробь. Обыкновенно он летит вперед до тех пор, пока у него хватает сил, но особенно плохо при этом то, что по мере своего движения вперед он спускается все ниже и ниже, летит среди деревьев и отыскать его тут без собаки не только вечером, но и днем невозможно, так как редко удастся уследить его полет до конца.

Вообще охота на тяге одна из труднейших. Помимо умения владеть ружьем, надо привыкнуть к особенностям этой охоты, определению мест тяги, места вылета птицы, расстояния и пр., а потому весьма трудно согласиться с теми лицами, по мнению которых охота на тяге хороша только тем, что спокойна. Каким образом вообще можно говорить о спокойствии на охоте? Возьмите какую хотите охоту, на хищных зверей, псовую, ружейную, — они все влекут к себе именно потому, что каждая из них заставляет охотника несколько волноваться, сбрасывать с себя обычную апатию. Я не понимаю, как говорит это А.Селастенников и другие, знающие охоту и знающие, что такое охота. Конечно, на тяге, как и на всякой другой охоте, может быть скучно, — расположится лет вальдшнепов таким образом, что ни один не

налетит в меру, и будешь раскаиваться, зачем пошел; но это раскаивание вызовется усталостью, в свою очередь идущей вслед за напряжением, с которым ждешь вылета птицы. Потом, возвратясь домой, может быть и скажешь, что хорошо, что не пришлось ходить, но неужели ходьба так страшна для охотника, что может оттолкнуть от охоты? Кто, по колено вязнув в болоте, думал в это время о трудности ходьбы? Кто, оставаясь на охоте в продолжение сурового дождливого дня, какие бывают только осенью, жаловался на погоду? Все это приходит потом, когда увлечение прошло, как и при всяком занятии, где усталость не сказывается, пока занятие не кончено или не надоело.

Поэтому скорее можно допустить, что на все вышеприведенные помехи будет жаловаться промышленник, который действует без увлечения, не ради удовольствия, а ради насущной потребности, чем охотник, видящий впереди не одно убийство, а чувствующий потребность «очутиться лицом к лицу с освежающей душевно природою». К тому же, чтобы не скучать, на тягу можно ходить и не одному: по справедливому замечанию С.Т.Аксакова, это единственная охота, где чем больше стрелков, тем лучше. Не убитый одним — вальдшнеп налетит на другого, на третьего и все-таки будет убит, выстрелы будут слышаться постоянно, хотя в результате наверно окажется убитых немного. Взять в вечер 5-6 штук, сколько я знаю, считается большою удачей, и не могу не подивиться г. Г-ву, который утверждает, что он брал по 6 и даже 10 пар в вечер¹⁸. Говорить, сколько в вечер бывает сделано выстрелов — напрасно, и хороший охотник на тяге дает 3-4 промаха на один верный...

Но сколько бы промахов ни было, а тянущих вальдшнепов бьют — и не одних самцов, а и самок, и потому настоящий охотник может допустить стрельбу на тяге только в ее первый период, когда тянут и местные, и пролетные — исключительно самцы, что продолжается с первой тяги 7, много 10 дней. Только в это время охота и может почесться безвредною; далее она делается настолько же истребительною, как истребительна, например, охота на тетеревей с лодки. «Выводки вальдшнепов в Петровки, — говорит К.Петров, — столько же терпят от мужиков-охотников, сколько и выводки местной дичи; стрельба на

¹⁸ П.Г-в. «Год охотника». Ж.О. и К. 1870 г., стр. 60.

тягах истребительна на вальдшнепов в большей мере, нежели на токах для тетеревей, ибо на тяге, даже при желании, нет возможности отличить самки от самца. Первая очень часто попадает под заряд с яйцом, а может быть еще чаще и тогда, когда слетает с гнезда для нагула последнего, четвертого яйца, чтобы закончить им несение и вполне предаться насиживанию. В особенности истребительна стрельба на тягах в лесах больших, выводных: там тяга продолжается до Петрова дня, и в таком случае смерть самки наверно сопряжена с гибелью целого выводка». Но эти слова прошли незамеченными и стрельба на тяге процветает до сих пор, хотя наши охотники из знающих дело уже не раз обращали на это внимание, подкрепляя свои слова ссылками на иностранные, преимущественно шведские, авторитеты.

Охоту на тяге считают вредною и по другим причинам: барон Нольде, например, говорит, что, стреляя тянущих вальдшнепов, отпугиваешь их от места, но это выражение относится решительно ко всем охотам, и потому остается одна главная, если не единственная причина недопущения охоты на тяге — стрельба самок и связанная с нею гибель потомства.

Лето и осень

Вывод молодых. — Летний образ жизни вальдшнепиных выводков. — Линька. — Осенний образ жизни вальдшнепов. — Осенняя охота. — Отлет.

Итак, с окончанием времени яра в жизни вальдшнепа происходит перелом, для птицы настает коренное изменение в ее образе жизни, на долю обоих полов выпадают трудные периоды: для самок — вывод детей, для самцов — линька. Таким образом, уже из сказанного в предыдущей главе видно, что летним периодом это время называть не совсем правильно, т.к. линька самцов удалена от кладки яиц на месяц и даже на полтора. Следовательно, удобнее было бы отнести описание устройства гнезда и всего времени до вылупления молодых в главу о весеннем образе жизни, но, чтобы не разбиваться, мы сделаем это теперь.

В половине мая вальдшнепиные самки в средних губерниях садятся на гнезда и перестают посещать тягу. Иногда случается находить яйца вальдшнепов раньше этого срока, но это

явления исключительные и весьма редкие. Впрочем, само собою разумеется, что общее состояние погоды весной, во время кладки, а также и возраст птицы, не говоря уже о большей или меньшей высоте местности над уровнем моря, имеют громадное влияние на наступление этого срока¹⁹. К тому же продолжительность тяги делает возможным оплодотворение самок далеко после нормального срока, и все это вместе взятое ведет к тому, что вальдшнепята выводятся очень недружно. Таким образом, молодых разных возрастов находили в продолжение всего лета и даже в начале осени, что и послужило поводом к предположению, что вальдшнеп выводит детей два раза в лето. Но, как увидим далее, это лишено всякого основания, и все те факты, по которым делались подобные выводы, никак не требуют для себя такого объяснения. Продолжительность периода вывода вальдшнепчат зависит от потери птицею первых яиц, возможности нагулять вторые и ни от чего больше.

Однако заметим, что значительное число вальдшнепчат выводятся все-таки в начале июня, приблизительно в одно время, и уже дальше начинается разновременный вывод тех, которым помешали различные неблагоприятные условия. Последнее же очень возможно, так как вальдшнеп гнездится в лесу не глухом, а старом, тенистом, недалеко от полян, куда летает кормиться, и на что вначале его вынуждала необходимость быть вблизи места тяги. Следовательно, гнездо этой птицы легко может подвергнуться многим случайностям — и множество гнезд, а тем более яиц, гибнет как от руки человека, так и от лесных животных.

Несколько южнее, например, в губ. Тульской, вальдшнеп принужден гнездиться в чернолесье, почти исключительно в березовых лесах, и можно сказать, что большая часть поздних выводков, т.е. таких, у которых яйца кладутся в июне или последних числах мая, гибнут здесь из-за грибов. Особенно, если начнутся дожди и пойдут белые грибы, за ними с такою охотой ходят по лесу, что не оставят в покое ни одной полянки, исколесят лес вдоль и поперек, и мальчишки при этом всегда вспугнут нескольких вальдшнепиных самок с гнезд, а последние уже конечно не жди пощады... Кроме того, близость ле-

¹⁹ В гористой местности кладка замедляется на 6 дней и даже до 3-х недель сравнительно с низменностями.

сов к жилищу позволяет таскаться по ним собакам, наложат свою руку сороки и, в конце концов, вальдшнепов гибнет пропасть. Последние два врага, преимущественно вредят яйцам ранней кладки. Кроме того, нередки примеры гибели вместе с яйцами самки, которая сидит так крепко, что позволяет себя схватить руками. Чаще всего попадает она таким образом в зубы к лисе, но это случается в большинстве случаев уже в то время, когда все яйца положены и самка редко «сходит» с гнезда, что разумеется, еще хуже. Что касается хищных птиц, то вред, приносимый ими в это время, весьма незначителен, так как они не усмотрят вальдшнепиного гнезда, да и потом, когда выйдут молодые, пернатые хищники ничего не в состоянии с ними поделаться, с причиною чего мы познакомимся ниже. Только подвигаясь к северу, там, где чернолесье сменяется смешанными борами, и еще далее — в чистых борах, где лиственные деревья растут только по берегам рек, самки вальдшнепов находятся в большей безопасности, по крайней мере, со стороны человека. Следовательно, там и вывод вальдшнепчат идет дружнее, но зато время вывода наступает гораздо позднее, что стоит в тесной зависимости от климатических условий.

Но, помимо сказанного, нет никакого сомнения, что время кладки стоит в некоторой зависимости и от возраста птицы. Вальдшнепиные самки постарше всегда оплодотворяются самцами первые, а уже затем, когда они сядут на гнезда, а у самцов время яра еще не миновало, очередь доходит и до молодых. Однако не должно думать, что последние оплодотворяются все, огулом, подобно старкам. Несмотря на кажущуюся преобладающую численность самцов, однолетние самки зачастую остаются холостыми, что прямо следует из того, что гораздо реже приходится наблюдать гнезда с меньшим числом яиц против нормального. По-видимому, также небольшое участие в половой жизни принимают годовалые самцы, так как в средних губерниях не приходилось убивать их на тяге, а относительно севера известно так мало, что решительно ничего нельзя сказать, что наблюдается там.

Как бы то ни было, число яиц у вальдшнепа весьма постоянно и подвержено лишь самым незначительным колебаниям. Впрочем, отчасти это объясняется уже тем, что число их слишком незначительно, нормально четыре, так что было бы странно встретить здесь большое приращение или уменьшение

численности. И действительно, колебание это никогда не превышает единицы и, если наибольшее число яиц равняется 5, minimum никогда не спускается ниже 3. Заметим, однако, что первое, т.е. превышение нормального числа, наблюдается чрезвычайно редко, есть случай вполне исключительный; по три же яйца в гнездах приходится наблюдать далеко не так редко, и, как мы видели, это объясняется участием в выводе молодых птиц.

Возвращаемся к гнезду. В северной и средней России оно всегда располагается в большом старом лесу, независимо от того, будет ли он состоять из хвойных или лиственных деревьев, и помещается всегда в таком месте леса, над которым бывает тяга. В южных губерниях, например, Харьковской, гнезда помещаются обыкновенно по склонам в довольно большом расстоянии от выхода лесной балки, на земле, под небольшими кустиками лесной поросли, все равно густой ли подсед леса, или очень редкий. Сказать, что самка предпочитает для устройства гнезда чашу — невозможно, но во всяком случае оно всегда отлично скрыто, хотя и в старом лесу никогда не бывает на значительном расстоянии от лесных полян и вообще таких мест, где самка кормится. Само гнездо не представляет собою решительно ничего особенного и устраивается, по словам Н.Н.Сомова, следующим образом. Воспользовавшись наметенным осенью к основанию кустика небольшим бугорком сухой крупной листвы или искусственно увеличив толщину лиственного слоя, самка на заре начинает лапками утаптывать местечко, предназначенное для лоточка, и клювом выправляет сухие листья: утоптав его достаточно, она садится и переднюю часть тела начинает выдавливать ямку; поворачиваясь из стороны в сторону, она придает лотку правильную, больше чем полушарообразную форму. Внешних очертаний гнезда определить нельзя, так как сухая листва постепенно переходит от краев лотка в листовую покров почвы.

По форме яйца то удлиненно-грушевидные, то более или менее шаровидные. Тонкая, плотная мелкопористая скорлупа с небольшим блеском и изменяется в окраске в разных кладках от серовато-белого до розовато-песочного и даже до темно-ржавчато-розового цвета. По этому фону разбросаны глубокие фиолетово-сероватые пятна и поверхностные светло-ржавчато-бурые, скопляющиеся предпочтительно у тупого конца. Длина яиц варьирует от 1,8 до 1,6 д., поперечник от 1,4 до 1,3 д.

Самка сидит на яйцах около двух с половиною недель, и хотя некоторые утверждают, что этот срок продолжительнее и что она высидывает до 3-х недель и даже до 25 дней, но с этим трудно согласиться, так как большинство заграничных и наших охотников и зоологов приводят первый срок. Нести яйца вальдшнеп начинает дней десять спустя после начала тяги, следовательно, первую неделю в тяге участвуют только самцы. Потом, вместе с кладкою яиц, самка появляется на тяге и посещает ее аккуратно до отложения последнего яйца, и только после этого уже начинает собственно высидывать, сходя с гнезда очень не надолго. До того же времени, по необходимости принужденная отлучаться на тягу по ночам и оставаясь с самцом до утра, самка, слетая с гнезда, всегда закрывает яйца травой, чтобы предохранить их от действия холода. В этом помогает ей и самое время кладки (половина мая), и не будь этого обстоятельства, яйцам пришлось бы плохо. Однако нет никакого сомнения, что такой образ жизни имеет немаловажное влияние на вывод детей и почти всегда одно яйцо оказывается болтуном. Зато после того, как яйца отложены, птица высидывает их с таким усердием и вообще так горячо к ним привязана, что ее можно снять с них руками. Как и у всех птиц, такая горячность в высшей степени выказывается уже к тому времени, когда должны вылупиться птенцы. Гинц, например, приводит случай²⁰, когда самка вальдшнепа не слетела с гнезда, в то время как около него рубили березу, и продолжала сидеть даже после того, как дерево упало, хотя его сучья были от гнезда не далее полутора аршина. По другим рассказам, некоторые самки продолжают сидеть даже в тех случаях, когда до их головы дотрагиваются руками, а другие так позволяют даже перевернуть себя на гнезде и все-таки не улетают. Понятно, сколько гибнет таким образом вальдшнепов от лисиц и других ночных хищников, которые рыскают в это время по лесу.

Итак, через 17 дней после снесения последнего яйца вылупляются вальдшнепята. Обыкновенно они начинают бегать сейчас же, как только мало-мальски обсохнут, так что многим удавалось находить их с приставшею скорлупою; следовательно, здесь мы видим то же, что наблюдается у косача и глухаря. Что

²⁰ Cabanis und Baldamus, *Journal fur Ornithologie*, 1864, s. 109.

касается их наружности, то они ничем особенно не выдаются и походят на всех птенцов бекасиных. Первоначально они покрыты частым, длинным пухом, основной цвет которого красновато-желтый, с более темною, каштановою спиной и такими же пятнышками на крыльях, перемешанными с желтоватым и даже беловатым пухом. Середина головы черно-бурая и, почти такого же цвета полоса тянется через глаз; над глазом, а также между ним и ухом лежит по пятну из красноватого и буроватого пуха. Такие же темные полосы тянутся от затылка по сторонам головы к крыльям. Подбородок белый, испод тела такого же цвета, как и основной фон всех частей, только на горле лежит круглое красно-бурое пятно. Клюв и ноги мясного цвета; последние выдаются своими толстыми суставами.

Вскоре после своего выхода из яиц вальдшнепята уже начинают бойко бегать и превосходно умеют прятаться. Этому помогает и то, что самое место, куда они выбираются, с маткою, представляет много таких уголков, где не разыщешь и большую птицу, не то что такую мелкоту. Ямы под корнями деревьев, сваленное дерево, несколько сложенных вместе или просто упавших друг на друга сучьев — все это доставляет превосходное убежище, как матке, так и детям. Впрочем, мать привязана к ним крайне горячо и употребляет все зависящие от нее средства, чтобы отклонить опасность. Но, конечно, средства эти не отличаются от большинства подобных хитростей, свойственных всем горячим к детям маткам. Обыкновенно они, притворяются хворыми, не умеющими летать, еле-еле движутся, как будто не могут держаться на ногах, но лишь только им удалось отвести врага далеко от детей и мало вероятности на то, чтобы он к ним опять воротился, они быстро взлетают и скрываются из глаз. Все эти проделки совершает и самка вальдшнепа. Отведя хоть бы охотника на такое расстояние от молодых, что ему уже не захочется идти назад, она быстро бросается в чашу и, то, перелетывая низом, то пробегая среди поросли, возвращается обратно к детям. Но обыкновенно все ее старания совершенно излишни, потому что даже с собакою не редко пройдешь мимо молодых. И в этом нет ничего удивительного, так как собаке приходится в этом случае почти всегда искать верхним чутьем, т.е. не по следу, а, как известно, верхним чутьем она может слышать только по ветру. Поэтому я окончательно не вижу никакой необходимости выводить из того обстоятельства, что собака не нашла

вальдшнепят, такого заключения, что они издают слабый запах, как это делает Гофманн.

Но самым выдающимся доказательством любви к детям у самки вальдшнепа является ее обыкновение в крайней опасности переносить детей из одного места в другое. При этом рассказы о том, каким способом ей удастся взять детей, крайне разнообразны и, пожалуй, самым верным будет признать, что разные самки проделывают это различно. По-видимому, чаще всего вальдшнеп совершает это, схватив детей когтями, наподобие хищной птицы. Именно это передает Гросбаур и, кроме того, уже давно один из охотников-промышленников Подольского у. Московской губ. сообщал Л.П.Сабанееву, что он как-то в июне месяце поднял из-под собаки вальдшнепа, державшего что-то в лапах; убив его, он увидел, что вальдшнеп держал уже оперившегося детеныша. Наконец, подтверждают это гг. Юрасов и Ушков, из которых последний пишет: «Мне лично приводилось видеть несколько раз, как самка вальдшнепа, поднявшись из-под стойки собаки, уносила в когтях своего детеныша. Ноги свои она при этом держит так же, как держит их во время полета коростель». Но недавно Дэвидсон сообщил, что вальдшнеп переносит птенца, зажав его между ногами, а некоторые утверждают, что он с этой целью прижимает птенца клювом к груди. Впрочем, последнее маловероятно.

Вальдшнепята растут и оперяются очень быстро. Первые перья у них появляются уже на второй неделе. После вылупления, дней через 20 они уже перепархивают, а на четвертой неделе уже начинают перелетывать. Таким образом, первые летающие молодые вальдшнепы начинают появляться с конца июня. Однако, из того, что было сказано о времени кладки яиц, легко видеть, что нет ничего удивительного найти вальдшнепят и позднее. Так, по Сперанскому, вальдшнепята в пуху попадались ему даже в начале сентября, но, конечно, такие поздныши в большинстве случаев гибнут при наступлении зимы, не имея сил улететь на юг. На первое время своей жизни молодые переселяются с самкою в наиболее густые уголки леса, преимущественно в лиственные участки, на поруби, в места влажные и травянистые, доставляющие всей семье, с одной стороны безопасное убежище от врагов, с другой — обильную животную пищу, состоящую из взрослых насекомых и их личинок. Поэтому гнезда вальдшнепов не находятся в самой глу-

ши леса, а всегда более или менее близко от полян, или еще лучше — порубов. Впрочем, днем они себя ведут очень скрытно, прячутся в хворосте и частом лесу, и только вечером, на закате солнца, перебираются мало-помалу к родничками и паточинам и еще охотнее в густые поречные уремы. В лесах с болотным низом, по которым разбросаны там и сям большие открытые болотины, если притом на последних находятся более сухие местечки, поросшие деревьями, как бы островки, вальдшнепы охотно перебираются сюда, едва только в состоянии будут перелетывать. И действительно, безопаснее этого убежища им трудно найти. Сюда не проберется ни хищный зверь, ни человек, только одно — таких островков слишком немного сравнительно с числом выводков. — В июне вальдшнепята окончательно оперяются, и в то же время начинается линька самок. Однако, несмотря на это, выводки редко разбегаются на большое расстояние: обыкновенно же молодые держатся постоянно друг возле друга и только в исключительных случаях отбегают далеко от матки; но лишь только последняя заметит это или будет чем-нибудь потревожена, сейчас же спешит их собрать. В случае опасности, угрожающей детям, matka выражает свое беспокойство криками «дак-дак-дак».

Все это относится, конечно, к выводкам нормальным, т.е. таким, которые вывелись в наибольшем числе приблизительно в одно и то же время. Что касается позднейших, то для них вся разница заключается в том, что более поздние сроки их вывода заставляют их иногда выбирать несколько иные места для своего пребывания; но в средних губерниях эта разница никогда не бывает значительна и, сколько мне удалось заметить, обуславливается главным образом лесными покосами. Около Петрова дня, т.е. когда ранние выводки уже летают, у нас обыкновенно выкашивают как лесные поляны, так и порубы, хотя последнее и имеет исключения, — и таким образом, запоздавшим вальдшнепиным выводкам уже не приходится проводить на сечах день и ночь, а остается перебираться сюда только с зарею. К тому же по порубам, не очень удаленным от жилья, днем беспокоят и ранние выводки. Как известно, в таких местах у пней вырастает множество ягод, в двадцатых числах июня они созревают и за ними таскаются по несколько человек в день, причем уничтожается и распугивается все живое, что только встретится.

Однако, нахождение поздних выводков никак еще не позволяет нам предположить, что вальдшнепы нормально выводят детей два раза в год. Общий ход жизни этой птицы и наблюдения над ее различными моментами положительно опровергают такое заключение, но западноевропейские, преимущественно немецкие орнитологи первые выдумали это и теперь разыскивают различные доказательства в пользу справедливости своего воззрения. Одни из них, как Гофманн, выводят это из продолжительности тяги, другие, как барон Нольде, из нахождения вальдшнепят разных возрастов с одною и тою же маткою. Первое доказательство стоит ниже критики и о нем не стоит говорить, второе легко опровергается известным фактом, что вальдшнепиная самка, потеряв одно или два яйца, откладывает их вновь, и таким образом весьма возможно встретить молодых различного возраста в одном выводке. За справедливость такого объяснения говорит и то, что число таких разновозрастных вальдшнепов не превышает 4-х, т.е. именно того числа особей, которое может быть в одном выводке. Правда, чаще случается находить матку с тремя молодыми, но и четыре — случай не редкий. — Упомянем кстати о том, что, потеряв все яйца, самка вторично кладет только три, но показание Науманна, будто в этом случае она совсем, не кладет, лишено всякого основания.

Однако, оставим молодых с их матками и посмотрим, каким образом ведут себя в это время самцы. Последние нормально не принимают никакого участия ни в выводе, ни в выхаживании молодых, забираются в это время в чашу и перебираются оттуда уже только с окончанием линьки. Тем не менее, существуют показания, что иногда самцы помогают самкам выхаживать молодых, и хотя самому мне никогда не удавалось найти самца при выводке, сомневаться в справедливости этих показаний нет основания. Так как, по всей вероятности, в семейных заботах участвуют только старые или, быть может, нездоровые самцы, то я буду говорить о них, принимая, что они ведут летом вполне уединенный образ жизни.

С начала, реже с 10-го числа июня тяга начинает постепенно ослабевать, большинство самок уже сильно насидели яйца и даже вывели детей, самцы, удовлетворившие свое половое стремление, также перестают тянуть и мало-помалу переселяются в крепи, в глушь хвойного леса, а где его нет, в наиболее тенистые, наиболее скрытные места старого чернолесья. Та-

ким образом, в это время тянуть продолжают только самцы, не успевшие удовлетворить свое половое стремление, обыкновенно более слабые, чем кончившие тянуть старики; из самок на тягу изредка поднимаются более молодые или те из старых, которые почему-либо лишились яиц первой кладки. Однако, не должно думать, что самцы прошлогоднего вылета принимают участие в оплодотворении самок. До сих пор этого замечено не было и потому, как кажется, можно с уверенностью сказать, что участие в тяге принимают самцы не моложе двухлетнего возраста. Несмотря на то, что на тягах, говоря относительно, драк бывает гораздо меньше, чем на току собственно, и что молодые самцы, следовательно, имеют гораздо больше возможности спариться с самками, чем, например, молодые глухари, — все-таки нет никакого сомнения, что на их долю выпадает большинство неудач, и главная масса тянущих в течение июня особей состоит именно из них.

Само собою следует, что с продолжительностью тяги в тесной зависимости стоит период линьки. Вальдшнепы линяют, как известно, два раза. Первая линька начинается, смотря по окончанию особью тяги, т.е. или в начале июня, или в июле. Поэтому линяющие вальдшнепы встречаются до самого начала августа, но найти их приходится не часто. Обыкновенно они так крепко забиваются в свои тенистые уголья, что только поздним вечером решаются вылетать на более открытые места и вскоре уже возвращаются назад. Позднее, когда линька подходит к концу, вальдшнепы самцы все менее и менее придерживаются лесной чащи и сваливают в те же места, где держатся с самками молодые. Обыкновенно это бывает в начале или в половине августа. Впрочем, местопребывание их в это время довольно сходно с тем, которое они занимают во второй половине июля. Тогда им, главное, надо скрыться от различных врагов, потому что не окрепшие перья не позволяют им слишком надеяться на свои крылья, и они плотно забираются в густую чащу мелкоколесья, покидая глушь старого леса.

Во все продолжение двух последних месяцев, т.е. июня и июля, охоты за вальдшнепами почти не существует. Ходить за молодыми, которых стоит только найти, а то можно перебрать руками, — до того крепко они сидят, — вовсе не привлекательно, идти в июне на тягу — тоже найдется не много охотников, и потому большинство ждет осени, когда молодые поднимут-

ся настолько, что их трудно будет отличить от взрослых, того времени, когда начнется осенний пролет, местный вальдшнеп высыпет в мелколесье, по оврагам, опушкам, пролетные начнут появляться вывалками, как появлялись на весеннем пролете. Однако нельзя не заметить, что это относится только к настоящим охотникам. Но многие из начинающих или из простонародья нередко ходят за вальдшнепятами, едва последние поднимутся настолько, что могут летать. В таком случае охота становится крайне истребительною, удовольствия, конечно, никакого доставить не может.

Но существует одна летняя и осенняя охота — охота «на грязи» или «на воде». Состоит она в том, что охотники подстерегают вальдшнепов в известных местах на лесных дорогах с глубокими колеями, или на паровых унавоженных полях, куда птицы прилетают ночью на кормежку, и бьют их сидячих.

Вот как описывает охоту «на воде» г. Хитров (Ж. О. и К. 1872 г., стр. 307):

«Охота за вальдшнепами «на воде» начинается от начала линяния их и продолжается вплоть до конца пролета. Сначала охота эта мало добычлива, потому что тогда на воду летают только местные вальдшнепы; в самый развал пролета она всего добычливее; постепенно беднеет к концу его и вместе с ним, разумеется, и оканчивается. По моим личным наблюдениям и по замечанию других охотников, «на воду» летают только вальдшнепы невылинявшие. В этой особенности легче всего убедиться осенью, во время развала пролета, когда вальдшнепов много и поэтому сравнение легко; ибо в это время перелинявших вальдшнепов, по вечерним зорям, можно встретить преимущественно только на зеленях, а не вылинявших — «на воде». Сколько раз проверял я это замечание — и всегда убеждался в его справедливости. Какая причина заставляет невылинявших вальдшнепов, летать на воду, решить не берусь, но полагаю то, что купанья эти облегчают процесс линяния. «На воду» ходят иногда и нарочно, как «на тягу», но по большей части, — возвращаясь с охоты; притом, замечу мимоходом, стрельба «на воде» гораздо добычливее, чем «на тяге».

«На воде» приходится стрелять влет и сидячую птицу. Влет стреляют конечно засветло и притом, когда вальдшнепы летят в сторону от бочага, если же к бочагу, то тут стрелять не всегда

выгодно, как это увидим ниже. По большей же части приходится стрелять сидячую птицу, потому что, во-первых, вальдшнеп летит тут так быстро, что едва успеешь повести за ним стволами, что значительно затрудняет стрельбу, особенно во время сумерек; а выстрел здесь дорог — каждый, особенно неудачный, ибо может только отогнать других вальдшнепов. Не говорю уже о тех случаях, когда, за темнотой, птицы на лету не видно; на воде же дело другое — рябь и круги, которые пойдут по ней, когда вальдшнеп начнет купаться, видны хорошо и ясно укажут, где он сидит, так что промахнуться трудно; во-вторых, вальдшнеп, купаясь, время от времени каркает, или, правильнее, «уркает» (крик особенный, на тяге его не услышишь) и этим подкликает к себе других вальдшнепов, что дает возможность убить несколько штук одним выстрелом. По этой же причине хладнокровный охотник не бьет вальдшнепа, летящего к бочагу, а также первого, который сядет «на воду», где и полощется. Кроме того, в сидячку приходится стрелять иной раз потому, что вальдшнепы иногда без церемоний пешком являются к самому бочагу.

После выстрела охотник не выходит из засады, чтобы своим появлением не отогнать других вальдшнепов (убитой же птицы вальдшнеп не боится); так поступают до конца охоты, т.е. до тех пор, пока стемнеет совершенно.

Относительно времени дня, или, правильнее, вечера, в которое вальдшнепы вылетают «на воду», надо заметить, что хотя они вылетают и засветло, но больше всего и охотнее на зорьке, и перестают вылетать, когда стемнеет совершенно.

Бочажок обыкновенно выбирается открытый, так, чтобы вода была ясно видна летящей птице, и кроме того, не заросший осокой; если же он порос хотя немного, то вальдшнеп не сядет на него ни за что. Особенно он любит бочажки, на которые гоняют на водопой скот и берега которых, следовательно, примяты и натоптаны и покрыты пометом, особенно коровьим.

Охотник становится шагах в 15-20 от бочага, где-нибудь за куст, но так, чтоб удобно было обстреливать весь бочаг; если же берег, на котором стоит охотник, представляет неровности около воды, за которыми вальдшнеп может укрыться, то их заваливают хворостом. Охота будет, конечно, тем удачнее, чем меньше в окрестностях бочажков. Тихий, теплый и туманный вечер благоприятствует удаче.

Вальдшнепов «на воде» кроют также сетью, устраивая для этого искусственные привады; но эта охота мне мало известна»...

В конце, реже в половине августа поднявшиеся молодые начинают перебираться с своими матками из середины больших лесов к их о пушкам, вблизи которых лежат озимые поля, вообще в места более открытые, одновременно с чем и их корм, до того времени исключительно животный, делается смешанным. Корешки озимых всходов, поднимающихся нормально не позднее половины месяца, в значительной степени входят в состав пищевого материала вальдшнепа, и этот сочный корм вместе с остатками животной пищи ведет к тому, что птицы вскоре начинают жиреть. В это же время, т.е. в последних числах августа, начинается вторичная линька старых птиц, причем, однако, сменяются только покровные перья. Впрочем, большинство птиц улетает на юг до начала линьки. Вскоре же после этого, т.е. в начале сентября, вальдшнепы окончательно покидают чащу большого старого леса и главное их местопребывание в это время составляют ольховые заросли на болотных низах, а где таких мест нет, они перебираются в более открытые и, вместе с тем, возможно сырые участки старого леса. Иногда случается, что днем они таятся в самых лесах и только вечером перебираются в места более открытые — на огороды, коноплянники, иногда к мельничным плотинам, в сады, — одним словом, всюду по близости человеческих жилищ.

Одновременно с этими, так называемыми, ранними высыпками начинается и настоящая охота за вальдшнепами. Начинаящая жиреть птицы сидят крепко, плотно притаившись у корней дерева или кустарника, иногда просто в траве и без собаки обойтись на этой охоте невозможно. Иногда птица выдерживает стойку так крепко, что ее удастся заметить прежде вылета, когда она лежит в своем убежище, но и поднятая летит не далеко и опять подпускает собаку чуть не в упор. В лесных овражках, поросших кустиками, с бегущим среди них ручьем, где есть рытвины и водоемины, охоты выходят превосходные, особенно если охотиться вдвоем, причем, конечно, охотники идут по обеим сторонам овражка, а собака обыскивает кусты. Тогда вылетающий вальдшнеп непременно попадет к тому или другому из охотников и будет убит. Но, ходя по опуш-

кам, два стрелка только будут мешать друг другу и в таких местах лучше охотиться одному.

Около того же времени, именно, как принимают охотники, около 8-го сентября, охота за вальдшнепами принимает несколько иной характер. Причина этого заключается в том, что у вальдшнепа существует, как ее называют, осенняя тяга. Прежде, основываясь на аналогии с другими полигамами, я считал осеннюю тягу вальдшнепа как бы репетицией весенней, но теперь я вижу, что в огромном большинстве случаев осеннюю тягу надо признать просто за перелеты на кормежку. Вот как совершаются эти перелеты. Незадолго до наступления темноты вальдшнеп поднимается с места, где он провел день, и молча и быстро пролетает на высоте в полдерева на прилежащее паровое поле. Вслед за первым поднимается второй и т.д. Все они летят приблизительно по одному направлению, но всегда молча. Позднюю ночью, иногда перед самым рассветом, вальдшнепы возвращаются с кормежки в свои дневные убежища. Определить продолжительность и время окончания осенней тяги невозможно: все зависит от состояния осенней погоды, но начало осенней тяги, по крайней мере в центральных губерниях, всегда лежит около 1-го сентября. Таким образом, строго говоря, «осенняя тяга» — название совершенно неправильное и сбивчивое, но, как распространенный охотничий термин, его все-таки приходится сохранить. Что касается стрельбы на осенней тяге, то надо сказать, что в некоторых местностях, как, например, губ. Тульской, охотники с большим удовольствием посещают осеннюю тягу. По неудобству стрельбы в птицу, летящую низко и, притом молча, так что легко может статься, что ее заметишь уже не во время, эта охота мало добычлива, но, разнообразия стрельбу на высыпках, она, понятно, уже тем самым является в известной мере привлекательной.

Однако, надо сказать, что в виде исключения вальдшнепы действительно тянут осенью, с теми же характерными криками и преследованием друг друга, как весной. Вероятно, в этом участвуют молодые ранних выводков, подобно тому, как иногда осенью запевают молодые самцы разных птиц.

К половине сентября все местные вальдшнепы уже всегда позаимут более открытые, более кормные места, описанные выше. В осень сухую они здесь и остаются до самого отлета, но в осень мочливую, сырую, когда дожди размягчат лесную по-

чву, вальдшнепы нередко сдают из ольховых зарослей и т.п. мест обратно в леса. Впрочем, в тех местностях, где ольховых зарослей нет и где значительная масса описываемых птиц не идет за пределы леса, т.е. держится осенью по опушкам и лесным оврагам, такие переселения почти незаметны. Как бы то ни было, можно сказать, что кустарник, лесные опушки, овраги, заросли ольхи и урема составляют любимое, почти исключительное осеннее местопребывание вальдшнепа — и здесь он держится до того времени, когда понижение температуры вместе с выпадением снега заставит его переселиться на юг. Такое же переселение в более сырые, низменные места замечается в гористых областях. В это же время, т.е. около половины сентября, начинается пролет особей, гнездовавших севернее. Точно так же, как и весной, он появляются высыпками, характер мест занимаемых ими тот же и потому описывать подробно осенний пролет и осенние высыпки значило, бы повторять уже сказанное. Поэтому я ограничусь только замечанием, что, останавливаясь на отдых, осенние вальдшнепы выбирают места близ озимых полей со всходами, места сырые, иногда, как на юге, где мало кустарников, высыпают по камышам, в Бесарабии, например, даже по полям кукурузы и т.п. Эти пролетные особи всегда улетают от нас ранее местных: так, например, в Бесарабии первые особи на осеннем пролете появляются около 14-го сентября, т.е. в то время, когда местный вальдшнеп еще крепко держится своей родины.

Чтобы покончить с описанием образа жизни вальдшнепа и охоты за ним осенью, нам остается только сказать несколько слов о той охоте, которая производится за эту птицею в мокрую, дождливую осень, когда в лесу образуется капель; но охота эта так полно и хорошо описана С.Т.Аксаковым, что я позволю себе привести здесь выдержку из его книги:

«Иногда осенняя охота за вальдшнепами получает особенный характер. Хотя они постоянно держатся в это время в частых лесных опушках и кустах уремы, кроме исключительных и почти всегда ночных походов или отлетов для добывания корма, но в одном только случае вальдшнепы выходят в чистые места: это в осеннее ненастье, когда кругом обложится небо серыми, низкими облаками, когда мелкий неприметный дождь сеет, как ситом, и день и ночь; когда отдаленные предметы кажутся в тумане, и все как будто светает или смеркает-

ся; когда начнется капель, т.е. когда крупные водяные капли мерно, звонко и часто начнут падать с обвисших и потемневших древесных ветвей. Эти-то капли, которых падения не любит и боится всякая птица и зверь, выгоняют вальдшнепов не только из леса, но даже из лесных опушек и кустов. В самом деле, однообразное, неумолкаемое падение капель в лесу имеет в себе что-то печальное и пугающее. Сколько раз случалось мне вслушиваться в этот странный шум, невольно задумываться и вздрагивать, когда крупная капля холодно и больно попадала мне в лицо... Итак, кроме пугающего шума, капель внешним образом беспокоит птицу и заставляет ее беспрестанно переходить с места на место. Зато какая чудесная выходит стрельба вальдшнепов, когда они выбегут в чистые луговины около леса, или болотистые места около уремы. Впрочем, под словом чистые не должно разуметь таких гладких мест, на которых негде было бы спрятаться и притаиться. Вальдшнеп не маленькая птица; ему нужны кочки, некошенная трава, межи, обросшие бобовником и чилижником, или глубокие борозды рослых озимей, где бы можно было укрыться, и все это в самом близком расстоянии от леса или кустов. Как скоро, хотя на время, уймется дождь и перемежится капель, вальдшнепы перемещаются в лес, от которого отдаляются редко далее нескольких сажен и куда сейчас возвращаются, несмотря на дождь и капель, если будут спугнуты. В это время вальдшнепы очень смирны, сидят крепко, подпускают охотника близко и долго выдерживают стойку собаки; очевидно, что тут бить их весьма нетрудно, особенно потому, что вальдшнепы в мокрую погоду, сами мокрые от дождя, на открытом месте летают тихо, как вороны; только очень плохой или слишком горячий охотник станет давать в них промахи. Можно подумать, что такая простая, легкая стрельба не доставит удовольствия настоящему, опытному и, разумеется, искусному стрелку; но такая охота редка, кратковременна, вообще мало добычлива, имеет особенный характер, и притом вальдшнеп — такая завидная, дорогая добыча, что никогда не теряет своего высокого достоинства. В этой охоте еще приятно то, что можно видеть хорошую собаку во всей ее красоте и вполне ею любоваться. В лесу, в кустах, в камыше, высокой траве и осоке, охотник почти не видит собаки, но здесь она вся на виду. Вальдшнеп издает сильный запах, и все собаки очень горячо по нему идут. Только истинные

охотники могут оценить всю прелесть этой картины, когда собака, беспрестанно останавливаясь, подойдет наконец вплоть к самому вальдшнепу, поднимет ногу и, дрожа, как в лихорадке, устремив страстные, очарованные, как будто позеленевшие глаза, на то место, где сидит птица, станет иссеченным из камня истуканом, «умрет на месте, как выражаются охотники».

Стреляют иногда осенью вальдшнепов, ходя с загонщиками, но эта охота, производящаяся как следует в Германии, у нас носит совершенно случайный, исключительный характер и потому не заслуживает описания. То же можно сказать и о промысловых способах добывания этой птицы: ловля силками, самый грубый, первобытный способ добывания дичи, так мало применяется к вальдшнепу, что скорее может почесть забавою, чем действительным промыслом.

В конце сентября в средних губ. поднимается мало-помалу в отлет и местный вальдшнеп. Начинающиеся в это время морозы, которые захватывают сырую почву так, что птицы не всунут в нее носа, иногда выпадет снега, конечно временное, — все это вместе взятое вынуждает этих птиц улетать далее к югу. Впрочем, можно сказать, что отлет их продолжается до 10-го октября, а как исключение отдельные особи попадают и позднее. Так, в 1865 г. в Тульской засеке были подняты 5 вальдшнепов от 21 до 24 октября; в Московской губ. одиночные вальдшнепы добывались даже в начале второй половины ноября, после двадцатиградусных морозов. Так как в желудке таких запоздалых особей всегда находят остатки насекомых, то очевидно, что они кормятся на болотистой почве. При позднем отлете вальдшнеп, конечно, нередко становится добычею ворон и других хищников, особенно если пойдет снег и поднимется сильный ветер, что сильно изнуряет птицу. В такую погоду вальдшнепы нередко гибнут во множестве — и как весной, так и осенью. Даже можно сказать, что весной такое состояние погоды для них бывает губельнее, чем осенью; так, в 1875 г., по свидетельству достоверных охотников, вальдшнепы прилетели в Тульскую губ. 16-го марта; 17-го к вечеру поднялась метель и множество вальдшнепов погибло от холода. Да это и понятно, если принять во внимание, что птица, прилетая на родину с наступлением тепла, редко отодвигается опять к югу даже в случае резкой и продолжительной перемены погоды; она все выжидает, не изменится ли погода к лучшему, не пахнет ли теплом,

чтобы лететь далее на родину; осенью не то, стоит только холодам постоять несколько дней — и пролетная, и отлетная птица вся исчезает. При временном выпадении снега, временном холоде — она свалит к ручьям, в те места, где земля не так скоро замерзает, и ждет там, не пройдет ли эта невзгода. И если этого нет, по-прежнему держат холода и снег не сходит, она наконец улетает. В таких-то неблагоприятных обстоятельствах, не имея достаточно корма и ослабев от влияния холода и ветра, птица уже не остается такою бодрою, как прежде, и попадает в когти различных хищников. Как кажется, самыми опасными для вальдшнепа врагами в северной половине России являются большие совы (лапландская, уральская), охотящиеся за ним в свою очередь на тяге.

В заключение нашего очерка остается сказать только о значении охоты за вальдшнепом, как промыслом. Но с этой стороны ошибочно было бы придавать этой птице какое-нибудь особенное значение. Вальдшнеп — птица чисто охотничья; промысловых, добычливых способов ее ловли у нас не существует и потому, несмотря на превосходство ее мяса, в продажу вальдшнепов идет не много. Гораздо больше потребляется их самими охотниками, промышленник же мало ценит эту дичь, которую не всегда убьешь с одного выстрела, и предпочитает ей птиц более крупных, более грузных, как тетерева, или таких, которых он может сотнями, тысячами наловить в свои снасти. Этим и объясняется с одной стороны малоизвестность вальдшнепа на севере, где есть промышленник и нет охотника, с другой — небольшой запас сведений, касающихся образа жизни этой драгоценной для стрелка птицы.

Местные названия: боровой, березовый кулик (по Далю, где?); ратай, долгоносый виклюк (Олонецк. губ.); ольшняк, вальшня (Петербургск. губ.); слука, вальшней (Гдовск. у.); курпист (Ямбург. у.) лесной кулик (Борович. у.); шабашка (Тагильск. и Богослов. Ур.); арся-углевоз (Павда); пахарь, пахарек (Екатеринбур. и Пермск. уу.) хорпуша, хурпун (там же); хурпун, хуркун (Полев. зав.); сломка слонка (Киевск. и Волын. губ.); валешник, слаква, хаква (Харьковск. губ.); кряхтун (в Сибири).

Польск. — *stara, slomka slonka*. — Жмудск. — *slonkas*. — Молдав. — сытарь. — Эст. — *korpits*. — Латыш. — *slonka*. — Фин. — *lehtokurppa*.

Татарск. — чульди. — Кавк.-тат. — извлэ. — Башк. — хур. пасык. — Черем. — вители, изи-вители, вители-игиге. — Вотяцк. — тиллитунит. — Остяцк. (р. Кеть) — кави.

СОДЕРЖАНИЕ

Мензбир Михаил Александрович	3
Вальдшнеп. Биология	4
Пролет и прилет. Весенние выпски. Тяга	6
Стрельба на выпсках. Стрельба на тяге	32
Лето и осень. Вывод молодых.	
Летний образ жизни вальдшнепиных выводков.	
Линька. Осенний образ жизни вальдшнепов.	
Осенняя охота. Отлет	45
Местные названия	62

Справочное издание

М.А.Мензбир

Охота на вальдшнепа

Серия «Охотник» — «Издательский Дом Рученькиных»
Компьютерная верстка — «Издательство охотничьей литературы Эра»
Оформление серии — «Издательство охотничьей литературы Эра»

Под общей редакцией Королёва В.В.
Редакторы — Носкова Н.К., Никонова Е.Ю.
Технический и художественный редактор — Петрова О.В.
Фото на обложке — Дигилевич А.Ф.
Дизайн обложки — Петрова О.В.

Сдано в набор — 02.12.03 г. Подписано в печать — 30.01.04 г.
Формат 84\108 1/32. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл.-печ.л. — 3,36
Тираж 5000 экз. Заказ 426

Издательство

ООО «Производственно-техническое предприятие ЭРА»
Лицензия ЛП № 030061 от 20 июня 1997 г.
Свидетельство о государственной регистрации юридического лица
№ 883 от 30 июня 1999 г.
143952, Московская область, г.Реутов, ул.Гагарина, д.11.
Тел/факс: (095) 528-2271.
E-mail: prostory@mail.ru

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
на производственно-издательском комбинате «Офсет».
660075 г. Красноярск, ул. Республики, 51.
Тел.(3912) 23-36-81 - отдел маркетинга.
E-mail: marketing@offset.krsn.ru
Тел. (3912) 23-57-81 - производственный отдел.

Серия ОХОТНИК.РЫБОЛОВ

Оптовая продажа книг серии
Тел. (095)785-4002, (095)171-2813
e-mail: izdoru@mail.ru